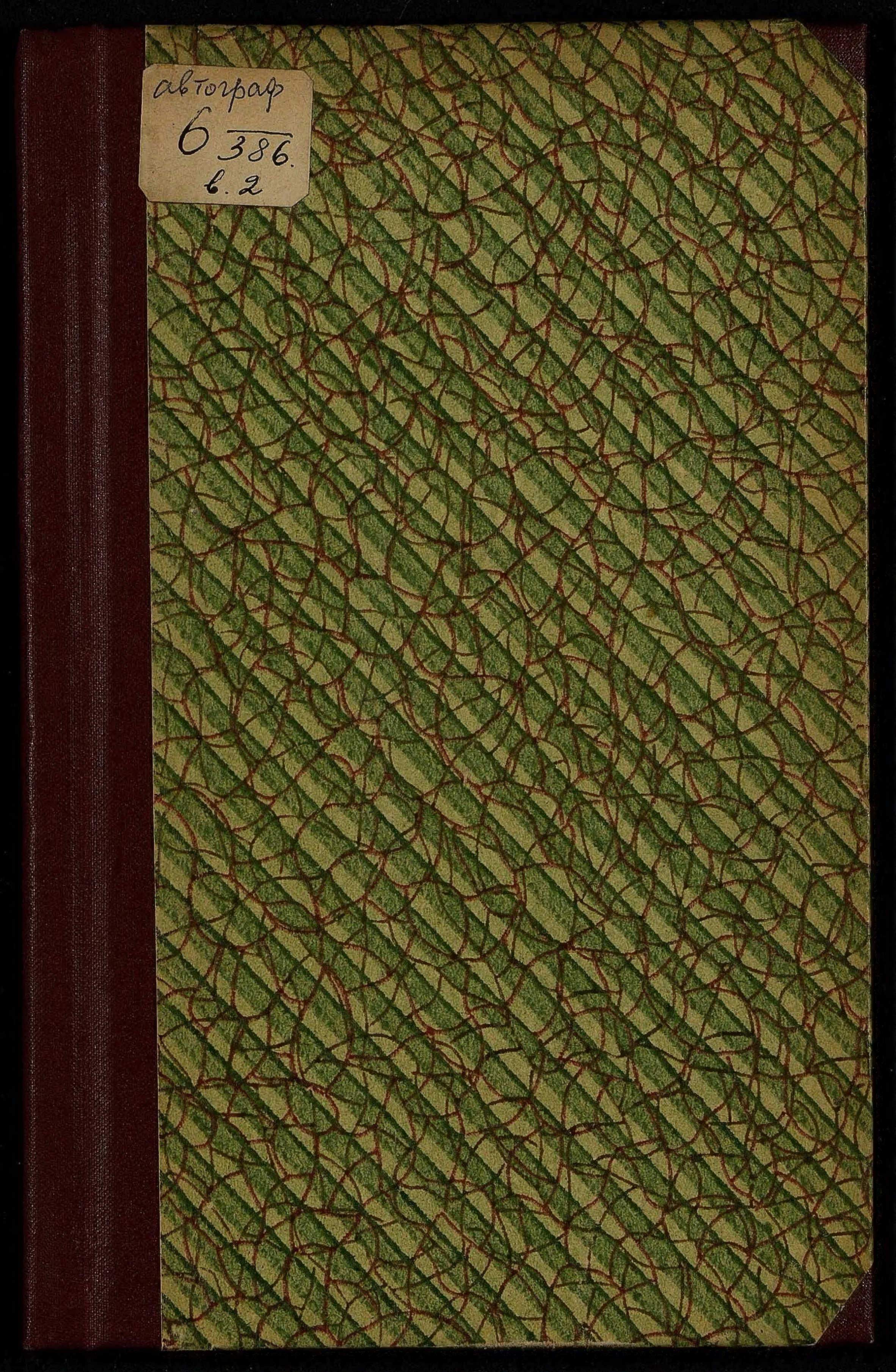
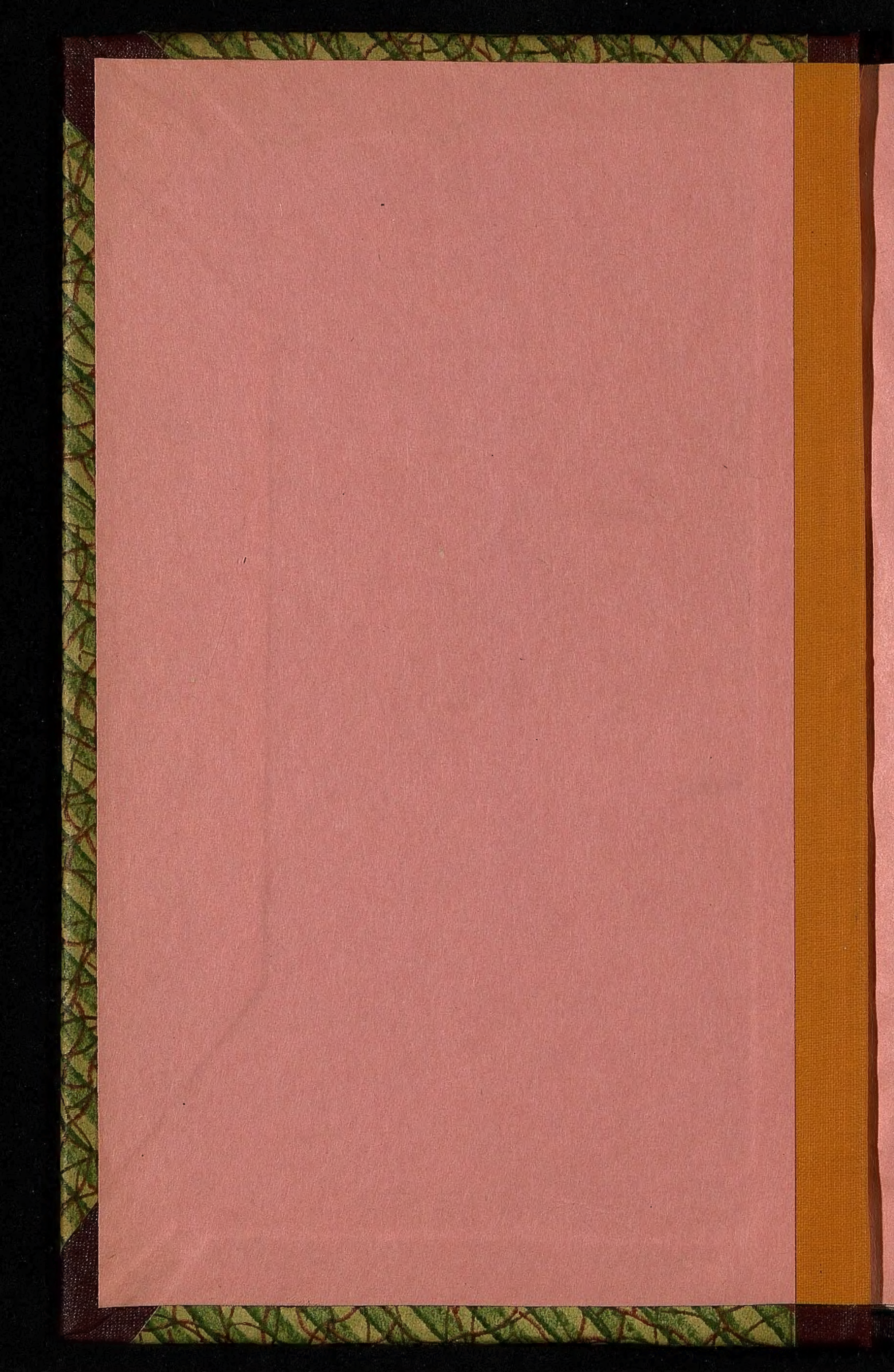
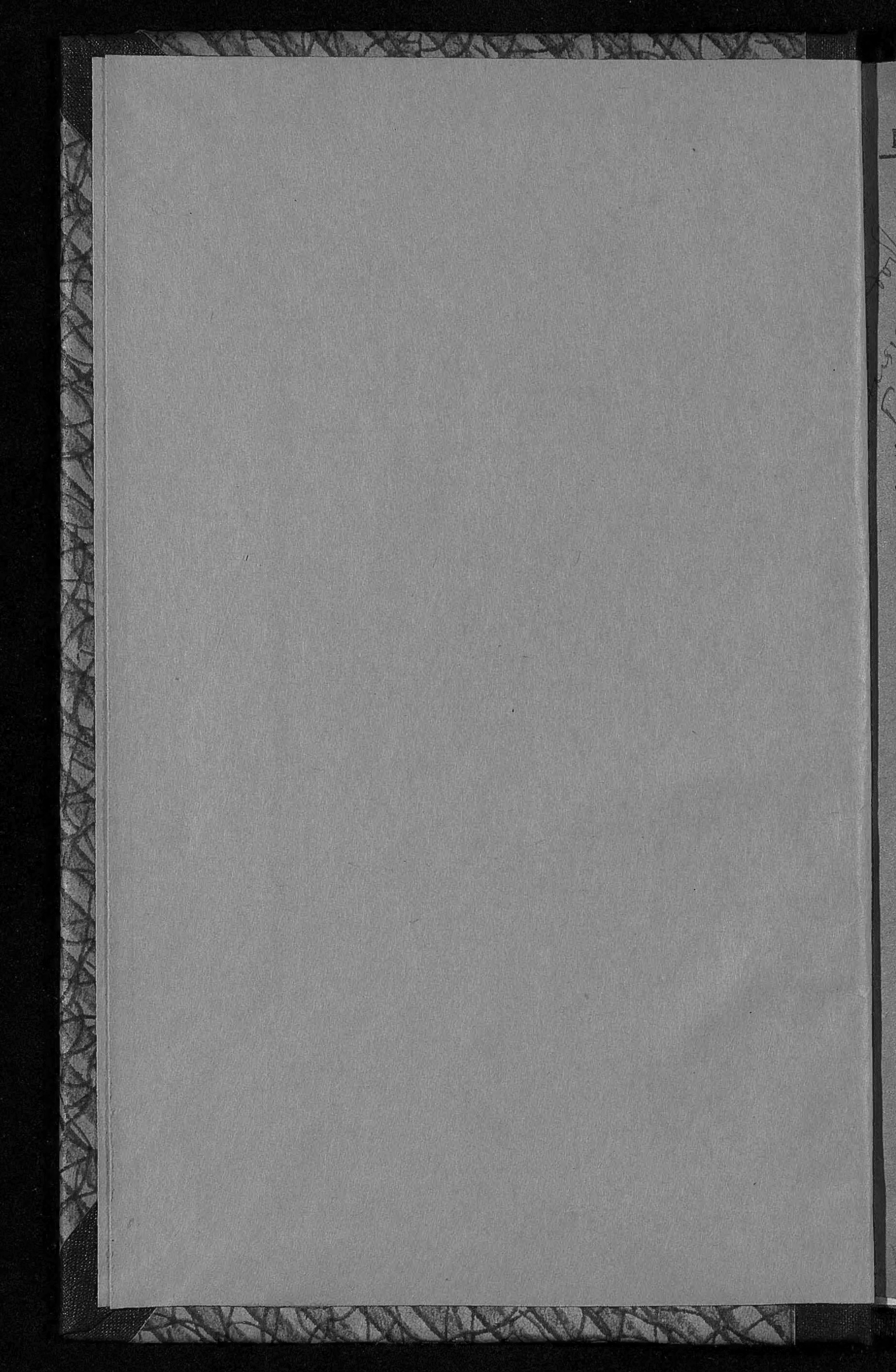

автограф
6 386.
в. 2

Пермский Государственный Педагогический Институт

Отдельные оттиски

ИЗ „УЧЕНЫХ ЗАПИСОК“

ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

Выпуск 2.

Пермь, 1937 г.

А. И. Ефимов

К истории форм прошедшего времени русского глагола.

Система форм прошедшего времени глагола была в древнерусском языке весьма развита. Она располагала средствами для обозначения различных оттенков действия и способов его прохождения. Средствами этими являлись не столько видовые признаки глагола и другие вспомогательные средства, как в современном языке, сколько сами формы прошедшего времени—аорист, имперфект, перфект и давнопрошедшее.

Каждая из этих форм имела свое строго различаемое назначение.

На памяти истории эта система претерпела существенные изменения. Она количественно сократилась, унифицировалась: аорист, имперфект и давнопрошедшее совсем исчезли как категории из употребления, а упрощенный в своей конструкции, более развитый в видовом отношении перфект (точнее—причастие прошедшего времени на —лъ, употребляющееся после падения связки перфекта как verbum finitum) возместил эту потерю.

Представляется весьма интересным проследить по памятни- русской письменности самый процесс разрушения старой слож- системы форм, определить причины и сущность этого распада нификации, а также установить средства и способы компен- и потерь.

***

Прежде чем говорить о причинах распада, познакомимся тко со значениями форм, соотношением этих значений в общей теме прошедших времен, ибо значения форм создаются не при- й их основ, а придаются им значением целого словосочетания, кцией их в системе форм и соотношением их значений. Каково было это соотношение?

Прошедшие простые—аорист и имперфект—обозначали самый цесс действия, констатировали характер его; прошедшие слож- —перфект и давнопрошедшее—выражали действие прошедшее в шении его к настоящему или другому прошедшему, поздней- у во времени. Важнейшим признаком а о р и с т а является ство его как бы концентрировать в одном пункте действие, лее даже большую длительность. Аорист констатирует действие (событие) как итог, свершившийся факт, результат в его совокупности. Он не дает представления о характере действия,

о его течении, прохождении (хотя оно и было кратным), он не рассказывает, не описывает развитие признака, а характеризует признак в его проявлении, результате.

Аорист, по выражению Потебни, как бы устанавливает, „чт кто сделал" („Из записок по русской грамматике", стр. 257). Ра смотрим это на примерах:

„В лето[1]) 6797 ходи князь Дмитрий к Тфери ратью и позв новъгородцев, и идоша новгородци с посадником Андреем и пожгоша волости и взяша мир" 65,2 [2]).

Аористы ходи, позва и др. устанавливают свершившийся факт, несмотря даже на то, что аорист ходи образован от итеративной основы и им обозначено действие, которое длилось, однако оно мыслится и выражается в своей совокупности, в итоге, как целое, происходившее однажды, без выражения оттенка кратности.

По удачному выражению Brugmann'a, аорист „как бы охватывает одним взглядом с начала до конца прошедшее действие, даже если оно было многократным или длящимся" (mehraktigen oder iterierten Vorgang [3]).

В отличие от аориста имперфект обозначает не результативное действие, а действие, длившееся в прошедшем, повторявшееся во времени, т. е. действие кратное. Он не констатирует, а описывает течение, прохождение действия, не регистрирует факт, а показывает, как действие протекало, развивалось, совершалось, причем границы этой длительности прохождения не определены.

Например: „Той же осени... и земля и лесы горяху и дым мног вельми, и с того дыма мряху рыбы и птица, а рыба дымом воняше и по два года" 3,2 (там же). Формы горяху, мряху, воняше дают представление о прохождении, повторяемости действия. В данном случае нельзя сказать „гореша", т. е. передать это аористом, так как последний устранит указание на кратность действия. Это и в латинском языке было бы передано имперфектом „urebant", а также и „мряху" — „moriebantur" и „воняше"—„odorabant". Следовательно, различия значений имперфекта и аориста заключаются в том, что первый обозначает действие прошедшего времени, представляемое в его развитии, второй обозначает действие лишь в его проявлении.

Сложные формы прошедшего времени обозначали не только свершившееся в прошлом действие, но и результат его в настоящем. Так перфект выражал действие, осуществившееся и ощутимое как результат до момента речи; он обозначал событие прошедшее в отношении его к настоящему.

Напр.: „... немцы прислаша с поклоном: что есмы зашли Водь, Лугу... мечем, то ся всего отступаем, а что есмы изъимали

---

[1]) По техническим причинам ять всюду передается через Е.

[2]) Новгородская первая летопись. Изд. Археографической комиссии, 1841. Первая цифра обозначает страницу, вторая строку.

[3]) K. Brugmann, „Kürze vergleichende Grammatik, 574 Strassburg 1904.

мужій ваших, а теми ся разменим" 54,6. Формы есмы зашли, есмы изъимали выражают состояние, достигнутое действием: теперь, в данный момент зашедшие, взявшие. Сравним еще: „А Нифонт тако молвяше: недостоине есть стал, оже не благословен есть от великого собора, ни ставленъ" 10,33. Здесь перфект равен по значению сочетанию страдательного причастия с глаголом есть: „не благословен есть". Это также убеждает нас в том, что перфект не делает указаний на прохождение действия, а изображает лишь событие прошедшее в отношении его к настоящему. Этой соотносительности прошедшего и настоящего нет в аористе. Поэтому ясна сущность различия значений аориста и перфекта: „где речь шла не о том, каков кто есть в силу прежде совершенного действия, а только о том, что кто сделал, там, повидимому,—л есмь было неуместно. Например, кажется дурно было бы сказано „се рек, ударил им есть о землю" вместо „се рек, удари имь о землю и выньзе нож, зареза Редедю" („Из записок", 257, изд. 1888).

Значение давнопрошедшего создается, как и в перфекте, сочетанием значений глагола (имперфекта бях или бех) и причастия на—л. При посредстве имперфекта давнопрошедшее имело возможность называть действие, свершившееся в прошлом, предшествующем другому прошедшему. Значение предпрошедшее само по себе не присуще данной форме, оно приобретается ею в словосочетании, где другое прошедшее, стоящее ближе к моменту речи, выражено обычно (в преобладающем большинстве случаев) аористом. Такая соотносительность времен свойственна также латинскому языку. Например: „Псковичи... приведоша себе из Литвы князя Олгерда, а Олександра Всеволодича преже того выпровадили бяху" 81,8. Естественно, что псковичи сначала „расстались" с Александром Всеволодичем (что и обозначено формой давнопрошедшего), а потом уже привели из Литвы князя (второе прошедшее, позднейшее—аорист). Конечно, и в латинском языке такая последовательность времен будет сохранена: аорист „приведоша" будет передан перфектом „adduxerunt", а давнопрошедшее —„выпровадили бяху" плюсквамперфектом — „deduxerant". Так называемая русская форма давнопрошедшего (ходил есмь был) имела в своем значении оттенок незаконченного, прерванного, не доведенного до конца действия. Такое инконклюзивное значение хорошо обнаруживается в след. примере: „и рече, яко не мыслил есмь до пльсковичь груба ничего же, нъвезл есмь был в коробьяхъ дары, поволокы из Переяславля" 43,8, т. е. князь вез было подарки псковичам, но... вернулся.

Резюмируя беглый очерк значений форм прошедшего времени, мы можем сказать, что в своей совокупности эти формы образовывали стройную и довольно сложную систему форм и их значений. Ко времени написания Новгородской летописи она уже существенно изменялась, упрощалась, унифицировалась. Основным источником данной работы служит 1-я Новгородская летопись,

изданная в 1841 году Археографической комиссией [1]). В основу этого издания положен Синодальный список, доводящий повествование до 1333 года, после которого до 1441 года летопись продолжена списком Академическим и оканчивается по Толстовскому 1444 годом. Мы не ограничились Синодальным списком потому, что два последних дают ценный материал по развитию и унификации форм прошедшего времени.

Следует заметить, что данных одной только Новгородской летописи, обильной формами прошедшего времени, вполне достаточно для того, чтобы судить о закономерностях образования и употребления в древнерусском языке глагольных форм. Последние представлены в летописи очень полно. Одних только форм прошедшего времени в летописи 4887; из них форм

аориста	4384	или	89,5 %
имперфекта	219	„	4,8 %
перфекта	236	„	5,2 %
давнопрош.	48	„	1 %

Однако, данных летописи недостаточно для того, чтобы делать заключения относительно общеупотребительности этих форм в древнерусском языке, о времени их исчезновения и способах их замены. Кроме того, по тематике и стилю изложения летописи существенно отличаются ото всей остальной древнерусской письменности.

Обилие в них глаголов прошедшего времени объясняется самим характером повествования. Летописцу приходится лишь констатировать прошедшие события, используя при этом установившиеся нормы и приемы. Затем, летописи, как правило, списывались, копировались одна с другой. Например, Новгородская 1-я часто повторяет несторовскую. То же делает летопись Воскресенская (XV—XVI в.в.), по языку мало отличающаяся от несторовской, хотя в живой речи к XV—XVI векам произошли существенные изменения.

Поэтому, кроме Новгородской летописи, к работе привлечены многочисленные юридические памятники, наиболее ярко отражающие особенности живой речи, а также и памятники древнерусской художественной прозы.

I.

Распад системы форм прошедшего времени начался с того, что была потеряна связка перфекта.

До потери связки перфект имел в системе форм прошедшего времени древнерусского языка свое особое значение. В отличие от других прошедших он обозначал действие, свершившееся в прошлом и простирающееся до настоящего, т. е. до момента речи; он как бы характеризовал состояние суб'екта, полученное в силу совершенного им прежде действия:

1) Полное собрание русских летописей, том III, Новгородские летописи, С.-П. 1841 г.

„а к князю послаша на Городище, исписавше на грамоту вину всю его: чему еси отъял Волхов гоголними ловци, а поле отъял еси заячими ловци? чему взял еси Олексин двор Мортки-нича? Чему поимал еси серебро“ 61,26.

Все поступки, в которых обвинили князя, были совершены им в прошлом, но они предстали и в настоящем, стали атрибутами, характеризующими его в момент речи: „есть отъявший, взявший“. Они выражены перфектом, ибо никакая другая форма прошедшего времени здесь не применима. Нельзя, например, сказать: „чему отъя Волхов“ — аорист не делает указаний на относительность прошедшего действия ко времени настоящему, на состояние субъекта. Также нельзя передать это имперфектом „чему отъяше Волхов“, т. к. последний внесет в это выражение совсем иное видовое и временное значение.

Из этого следует, что полный перфект имел свою, строго различаемую сферу употребления. Так как он давал возможность характеризовать субъект в совокупности его плошлого („отъял“ действие) и настоящего („еси“—существование в момент речи— „есть отъявший“), то, естественно, перфект распространен главным образом в прямой речи, где момент настоящего времени (момент речи) и отношение к нему действия прошедшего наиболее ощутимы:

„Всташа чернь на бояр и пакы ркуще: почто есте Новгородцев призвали“. 80,29.

„И оне пріехаша и ркоша: не думали есмы на брата своего на Луку“ 82,28, также 7,16, 10,13, 27,6, 29,5, 44,25, 98,22, 98,31, 100,15, 105,12 и др.

Если, как и выше, формы „есте призвали“, „думали есмы“ заменим аористом („почто призвасте“, „не думахом“), то устраним указание на характер, состояние субъекта, т. к. аорист изобразит самый процесс действия, и наоборот, перфект обозначает здесь состояние, достигнутое действием, без указания на развитие его во времени.

Следовательно, различия в значениях перфекта и прошедших простых огромны. Эти различия устраняли возможность смешения их: каждая форма имела свое специфическое значение и сферу употребления, причем аорист и имперфект выражали самый процесс действия, перфект же его итог, действие прошедшее, ставшее к моменту речи атрибутом деятеля. Это значение перфекта создавалось главным образом благодаря связке его, т. к. она выполняла указания на отношение прошедшего к настоящему, благодаря ей действие, совершенное когда-то, простиралось далее и представало в результативной форме к моменту речи, уже позднейшему во времени.

Связка была предикатом, выражавшим настоящее время, в которое приписывается субъекту ранее совершенное им действие. Причастие же на л—это второй предикат, называвший действие прошедшее, но не обозначавший самый процесс, течение этого действия. Сочетание этих двух предикатов создавало значение перфекта.

Что же произошло после того, как была опущена связка, т. е. один из предикатов перфекта? Падение связки устранило в перфекте соотносительность прошедшего и настоящего, без чего перфект по значению отождествился с прошедшими простыми. Он стал выражать то же, что аорист и имперфект, ибо без связки перфект не в состоянии обозначать, каков кто есть теперь, в момент речи, в силу свершенного им прежде действия; у него уже нет средств для выражения момента настоящего времени, в которое приписывается субъекту результат совершенного или прежде действия.

Итак, потеря связки и вызванное этим исчезновение собственного значения перфекта, отличавшегося от простых времен— вот причина распада системы форм прошедшего времени и позднее—полного исчезновения прошедших простых, которых „сменил и полностью заменил" бессвязочный перфект.

С потерей связки, а равно и значения имперфекта исчезло также и давнопрошедшее, причем процесс распада и потери форм системы начался одновременно с падением связки и переходом перфекта в область прошедших простых.

Интересно в этом отношении провести аналогию с современным сербским языком, в котором падения связки не произошло. В сербском, благодаря этому, до сих пор сохранился полный перфект (вûдио сам, окупили су), наряду с которым существуют и прошедшие простые—аорист (пѐкох, пѐкосмо, пѐкоше) и имперфект (плѐтâх плéтâсмо плѐтâху). А так как связка и имперфект сохранены, то не устранена возможность соотношений форм и значений перфекта (дäо сам) и давнопрошедшего (дäо бйах*), в силу чего последнее сохранено в сербском и даже в двух видах: дäо бйах и дäо сам био, значения которых тождественны.

Совсем иное состояние форм прошедшего времени в языке польском или западных диалектах украинского языка, где, хотя связка и сохранилась в некоторых личных окончаниях, но, как и в русском, потеряла вещественное значение, предикативность и превратилась в формальную частицу, выполняющую указания на лицо говорящее. Потеря ее отождествила перфект с прошедшими простыми, в результате чего последние исчезли совсем, вытесненные перфектом. Современный польский язык не знает прошедших простых, а в перфекте связка сохранилась в 1 и 2 лицах един. и множ. числа, где она энклитически присоединяется к причастию, не привнося в него какого-либо предикативного значения: pisalem (из pisal jestem), pisalismy (из pisali jestejmy); в третьем же лице единств. и множ. числа она совсем исчезла: pisal (из pisal jest), pisali (из pisalisa).

Таково значение падения связки. Рассмотрим теперь подробнее значение самой связки и историю ее падения. В сочетании

[1]) Йот передается через й.

с причастием прошедшего времени на—л она образовывала форму перфекта. Это сочетание отличается по характеру привносимых и сохраняемых в нем значений его составных частей от других сочетаний слов. Его нельзя приравнять, например, к составному сказуемому, где два элемента сливаются в один акт мысли, в одно значение. Ср. „стала странная—постраннела“ у Пешковского [1].

В сочетании есмь—л этого нет. Здесь и причастие и настоящее время глагола сохраняют свои значения, здесь как бы сочетаются два предиката, создающие комбинированное представление о субъекте.

О двухчленности значения перфекта можно судить на том основании, что как причастие, так и глагол могли употребляться совершенно самостоятельно, вне сочетания есмь—л. Затем, само причастие на—л, кроме предикативной, употреблялось некогда еще в атрибутивной функции. Например: „уныли голоси, пониче веселіе, трубы трубят... („Слово о полку Игореве“, стр. 72).

Позднее у Пушкина: „дали ей облизать поспелую вишню“ (Песни зап. славян), „путник запоздалый“ и др.

Глагол настоящего времени, входя в состав перфекта, не терял своего значения, не превращался в формальное слово.

О его предикативной силе можно судить по следующим сочетаниям его со страдательными причастиями (и эти сочетания равны по значению форме есмь—л): „а Нифонт тако молвляше: недостоине есть стал, оже не благословен есть от великого сбора“ 10,34, „и вы Немиру отвечали: не можеть Новъгород того учинити; как есмя с литовскым мирны, так есмя и с немци мирны“ 105,11. Сочетания „есме послани“, „есмя мирны“ по значению очень близки к перфекту (—„есмя съмирили“), и связка в этих сочетаниях выполняет ту же функцию, что и в перфекте. Ср. еще: „Ты еси (—будучи) слеп, како можеши царство держати? Аз есмь царь“ 27,10. Наконец, глагол есмь может употребляться как предикат совершенно самостоятельно, и в таких случаях о предикативности его сомнений быть не может.

Так летописец в сообщении о приходе татар, происхождение которых ему не ясно, пишет: „бог един весть, кто суть и отколе изыдоша“ 39,21.

Таким образом, глагол настоящего времени, употребленный отдельно или в сочетании с причастием, обладал предикативной силой, равной или даже большей предикативности причастия на—л.

Уже с древнейших времен связка перфекта, кроме предикативной функции, выполняла другую, ей, как глаголу, несвойственную, вероятно, приобретенную позднее: она, имея личные окончания, ассоциировала благодаря этому в себе указания на местоимен-

---

[1]) Пешковский—„Русский синтаксис в научном освещении“, стр. 255, М 1928 г.

ность, как бы заменяла личные местоимения, выступала в их роли, вместо их. Следовательно, связка выполняла одновременно две функции: предикативную и лично-местоименную.

Например, в выражении „бог един весть, кто суть и отколе изыдоша“ глагол суть одновременно выражает и предикат (—есть, суть, пришли, явились) и замещает личн. местоимение (они), выступает как эквивалент его. Так что все это выражение равняется по смыслу современному: „кто они есть“, или „кем они являются“.

В предложениях, где есть сложный перфект, личное местоимение в большинстве случаев отсутствует, его замещает связка. Например, в единств. числе 1 лица: „и рече: не мыслил есмь до Пльсковичь груба ничего же“ $43_{,9}$, второго лица: „брате, судить ти бог..., яко подумал еси на свою братію“ $21_{,37}$, также $31_{,32}$, $45_{,21}$, $46_{,10}$, $62_{,27}$ и т. д. Во множ. числе также в продолжениях со сложным перфектом отсутствуют личн. местоимения: „есме пришли“ $28_{,5}$ „есме взяли“ $43_{,29}$ так же $32_{,18}$, $40_{,14}$, $43_{,21}$, $88_{,18}$ и др.

Конечно, не всегда и не везде отсутствуют личные местоимения: в ряде случаев наряду со связкой стоит личное местоимение, освобождающее ее от второй (местоименной) функции: „так река: брата моя есте 2 князя повесили вы в Галици яко злодея и положили есте укор на всех“ $32_{,15}$. Затем, местоименная функция и не нужна при формах 3-го лица, ибо есть подлежащее и лицо действующее обозначено или каким-либо другим местоимением или же существительным: „якоже сам рекл есть“. Так что местоименную функцию связка выполняла только тогда, когда подлежащее должно было быть обозначено личным местоимением 1-го и 2-го лица.

Двойственность функции связки, развитие предикативности причастия на—л, равной по своей силе временам настоящему и будущему, а также развитие личных местоимений—все это мало-помалу освобождало связку от ее вещественного значения и наконец привело к тому, что уже во время Новогородской летописи она потеряла предикативную функцию и превратилась в формальное слово.

В чем состоит сущность падения связки?

Это падение не есть бесследное исчезновение предиката-связки. Потебня следующим образом поправил выражение Буслаева относительно превращения связки в формальную частицу, на протяжении некоторого времени означавшую личные местоимения: „утверждение, что есмь, еси теряют с течением времени силу глагола, должно быть изменено таким образом: слова эти теряют вещественное значение, становятся формальными, но остаются все-таки глаголами, предикативными связками, и даже опускаясь, сообщают причастию предикативную силу“ (Из записок, 246).

Следовательно, связка исчезает, передавая причастию свою предикативную силу. Ее падение компенсируется усилением глагольности причастия, что вполне естественно, ибо предикативность связки или должна была исчезнуть вместе с ней, чего не случилось, или быть переданной наличным формам, а таким преемником

явилось причастие, выступавшее наряду со связкой как один из предикатов перфекта.

Процесс потери вещественного значения связки хорошо представлен в Новгородской летописи. Превращаясь в формальную частицу, связка в ряде случаев совсем теряет указания на глагольность и выступает как заместитель, эквивалент личного местоимения.

Например, во фразе „не ими, княже, веры братьи наю, суть на тя съветали с черниговскыми князи" 30,14, связка только замещает местоимение „они", о чем свидетельствует предлог с, соединяющий это суть-они с существительным князи (— „они на тя съветали с черниговскыми князи").

Сделать заключение о потере предикативности связки можно и из следующих примеров, где она употреблена дважды при одном причастии:

„а что еси, сыну князь великій, на крестном целовании у Новагорода отнял еси Заволочье, Трежек...,а того бы еси, князь великій, ступился" 98,13. Позволительно предполагать, что здесь первое еси, кроме обозначения личного местоимения, ничего другого не выражает. Конечно, процесс перехода связки в служебное слово произошел не сразу. Наличие второй связки при причастии свидетельствует о том, что он еще не закончился, что связка еще нужна при причастии. Сравни еще:

„биша челом господину своему..., Иоанну, чтобы еси, господине, князю великому слово добро и благословение бы еси подал за свои дети" 98,22.

С развитием категории личных местоимений связка, употреблявшаяся как эквивалент их, уступает им эту местоименную функцию. Собственно, процесс развития личных местоимений нельзя рассматривать изолированно, он проходил в тесной связи с развитием и упрощением глагольной системы. Здесь можно установить некоторую взаимозависимость: с одной стороны, распространение личных местоимений способствовало падению связки, так как лишало последнюю местоименной функции, с другой же, сама потеря прошедших простых, имевших личные окончания, потеря вещественного значения связки, также обладавшей личными формами—все это делало необходимым развитие личных местоимений, которые должны были взамен потерянных форм обозначать лицо действующее.

Другими словами, раньше сами формы глагола обозначали это лицо посредством личных окончаний. С падением же их развивается категория личных местоимений, ибо по опущении связки в перфекте не стало средств для обозначения лица, так как причастие на—л не имеет личных окончаний. Развитие местоимений, следовательно, шло одновременно с потерей связки. Покажем это на примерах. В тех фразах, где употреблено личное местоимение, при причастии связка, как правило, отсутствует, и наоборот:

„а мы их не гонили, нъ братью свою есме казнили, а князю есме зла не створили"—44,26.

Здесь первое предложение ограничивается одним местоимением, а в причастии, как видно, достаточно предикативности, чтобы не употреблять связку (т.-е. „мы не гонили есмы“). Ср. еще: „пакы ркуще: почто есте Новгородцев призвали, и они князя изымали“ 40,27.

Чередование местоимений со связкой есть и в следующей фразе: „мы князя Луговеня воевали от вас к себе, а с немци есмы мир вечный взяли, а вы слова своего не издержали, как были есте нам нялися, а еще ваши люди нам лаяли, нас безчествовали и срамотиле и нас погаными звале“ 105,12. В этой фразе связка не имеет указаний на глагольность, она употреблена там, где нет личных местоимений, и наоборот—ее нет при них. Поэтому и в выражении „как были есте нам нялися“ „есте“ не равно глаголу настоящ. времени в русской форме давнопрошедшего—типа „везл есть был“, а она только замещает личное местоимение. Прекрасным аргументом в пользу того, что связка, потеряв предикативность, во время Новгородской летописи употреблялась преимущественно лишь в значении личных местоимений, является полнейшее отсутствие связки в безличных конструкциях, где перфект имеет окончание среднего рода—ло. В безличных оборотах связки нет потому, что там нет указаний на лицо действующее; например:

„гром бысть силен: в святом николе на Лятке игумена зашибло и иных людiи, а на Рогатице зашибло одиного до смерти“ 86,25.

„А чепь паникадилную, что в лбе, всю порвало... два человека убило до смерти“ 108,35.

„И в то время с обе стороны кровопролитiа много учинилося 96,28, также 10,3, 100,15 и др.

В предложениях неопределенно-личных также перфект не имеет связки, т. к. нет надобности обозначать действующее лицо:

„и прибежа Дорожь и рече: а уже, княже, обошли нас около“ 51,36.

„в тех церквах только на палатех пели“ 109,28.

Итак, сущность падения связки заключается в том, что с развитием предикативности причастия ее глагольность была сообщена последним, а от местоименной функции ее освободила категория личных местоимений, развивавшаяся одновременно с потерей личных форм прошедшего времени.

Рассмотрим теперь, как шел процесс потери связки одновременно с развитием личных местоимений. Опущение ее началось не сразу во всех формах перфекта. Первоначально связка исчезла в безличных оборотах, где местоименная функция не была необходимой и, следовательно, не задерживала ее падение после потери ею глагольности. Затем связка стала опускаться в третьем лице единственного и множ. числа перфекта, где подлежащее выражается преимущественно именем существительным

Между прочим, Потебня это об'ясняет тем, что имя вообще, а в частности причастие само по себе есть третье лицо, поэтому легче всего не ставить вспомогательного глагола именно в третьем лице (См. „Из записок", 247). Указание на лицо здесь делает сама форма причастия. Позднее связка исчезает в первом и втором лицах един. и множ. числа; позднее потому, что здесь причастие бессильно обозначать лицо. Следовательно, процесс опущения связки шел в полном соответствии с развитием категории личного местоимения, и местоименная функция связки в известной мере задерживала ее падение (особенно в 1 и 2 лицах един. и множеств. числа).

Ко времени Новгородской летописи процесс падения связки находился в следующем состоянии. Она исчезла в безличных конструкциях, процент ее употребления в 3 л. един. и множ. числа был уже крайне незначителен, тогда как в 1 и 2 лицах она еще держалась [1]). Покажем это в цифрах. Из 236 случаев употребления перфекта связка опущена 186 раз, что составляет 78,5 %, тогда как перфект со связкой употреблен только 50 раз—21,5 %. Сохранение и пропуск связки распределяются по лицам неравномерно:

	Перфект со связкой		Перфект без связки	
	Количество случаев	В %%	Количество случаев	В %%
В 1-м л. един. числа	6	86	1	14
2-м „	16	94	1	6
3-м „	2	2	120	98
1-л. множеств. числа	8	40	10	60
2-м „	16	88	2	12
3-м „	2	4	52	96

Из таблицы следует, что большее число пропусков связки относится к третьему лицу единств. числа—120 случаев, или 98 %, и множественного 52, или 96 %. В первом же лице единств. числа связка еще почти всюду сохранена—86 %, также и во 2-м—94 %. Но уже в 1 лице множ. замены ее местоимением или вообще опущения довольно часты—60 %. О типичности этих данных можно судить на основании сравнения их с материалами Лаврентьевской летописи, собранными профессором Д. Н. Кудрявским. [2]).

[1]) В двойственном числе связка в летописи не зарегистрирована. Она исчезла.

[2]) Д. Н. Кудрявский—„К истории форм прошедшего времени", „Русский филологическ. вестник", том 65, за 1911 г.

Данные Новгородской летописи во многом общи с теми, что собрал Кудрявский:

	Перфект со связкой				Перфект без связки			
	Новгор. лет.		Лавр. летоп.		Новгор. лет.		Лавр. летоп	
	Кол.	$^0/_0{}^0/_0$	Кол.	$^0/_0{}^0/_0$	Кол.	$^0/_0{}^0/_0$	Кол.	$^0/_0{}^0/_0$
1 л. един. число	6	86	20	71	1	14	7	29
2 „	16	94	54	94	1	6	3	6
3 „	2	2	53	24	120	98	165	76
1 л. множ. число	8	40	12	70	10	60	5	30
2 „	16	88	8	100	2	12	0	0
3 „	2	4	29	40	52	96	43	60
1 л. дв. ч.	—	—	—	—	—	—	—	—
2 „	—	—	1	100	—	—	—	—
3 „	—	—	1	20	—	—	4	80

В Лаврентьевской летописи связка также опускается главным образом в 3 л. единствен. числа—76 $^0/_0$ и множественного—60 $^0/_0$. Однако общий процент опущения связки в ней значительно ниже, чем в Новгородской, ибо если в последней из общего количества 236 связка опущена 186 раз (78,5 $^0/_0$), то в Лаврентьевской летописи пропуск ее составляет 56 $^0/_0$, т.-е. 228 раз и 406 случаев. Эта значительная разница, по моему мнению, объясняется разным временем написания этих памятников. Новгородская летопись писана позднее, она иногда повторяет Лаврентьевскую. Ко времени Новгородской летописи пропуск связки в языке увеличился. Даже в ней самой опущение связки учащается по мере написания ее. Для большей убедительности интересно сравнить употребление связки писцами 1 Новгородской летописи, так как здесь также отражен процесс падения ее. Так, например, первый писец употребляет еще связку в 3 л. един. и множ. числа, тогда как у второго и третьего этого нет; 50 случаев перфекта со связкой распределяются среди писцов следующим образом:

	Единственное число			Множественное число		
	1 л.	2 л.	3 л.	1-е л.	2-е л.	3-е л.
1-й писец . . .	2	5	1	1	6	2
2-й „	3	2	1	5	1	0
3-й „	1	9	0	2	9	0
Всего	6	16	2	8	16	2

Кроме пропуска связки в 3 л. един. и множ. числа, третий писец реже употребляет ее и в 1 лице един. и множ. числа. Большая потеря связки третьим писцом, по сравнению со вторым и первым, заметна и в следующей таблице, где показано употребление ими перфекта с опущенной связкой; 186 случаев простого перфекта распределяются между писцами так:

	Единственное число			Множественное число		
	1 л.	2 л.	3 л.	1 л.	2 л.	3 л.
1-й писец . .	1	0	9	1	0	8
2-й „	0	0	11	1	0	9
3-й „	0	1	105	8	2	44
Всего	1	1	125	10	2	61

Как видим, на долю третьего писца приходится громадное количество случаев опущения связки, что отражает особенность живой речи того времени. Третий писец ведет повествование от 6761 (1253) года, т. е. с половины XIII века, когда уже в живой народной речи совсем почти не встречалась связка перфекта (см. ниже договор Смоленска с Ригою и Готск. берегом 1229 г. и другие юридические документы XIII века).

Одновременно с процессом падения связки, который хорошо выражен в летописи, начался переход перфекта (простого) в область прошедших простых. Этот переход обусловлен тем, что в перфекте после слияния двух предикатов в один не сохранилось средств для обозначения соотношения результата прошедшего действия с настоящим временем речи. Как аорист и имперфект, он стал обозначать самый процесс действия.

Отождествление их значений вызвало смешение их в письменной речи: простой перфект, распространенный особенно во второй половине летописи, выступает наряду и вместо прошедших простых заменяя и вытесняя их.

Как это произошло, почему перфект вытеснял прошедшие простые? Его распространение за счет прошедших простых (чему способствовало то, что перфект был развит в живой народной речи) об'ясняется главным образом тем, что перфект имеет больше возможностей выражать видовые оттенки, варьировать их, нежели аорист или имперфект. Перфект более универсален, он с успехом начал выполнять функции простых прошедших.

Если раньше категория вида стояла вне категории времени, то к моменту распространения простого перфекта, формы прошед-

шего времени все больше входили в соответствия с категорией вида. Раньше аорист употреблялся вне видовых категорий, он выражал действие совершенного и несовершенного вида. Больше того, аорист был весьма ограничен в средствах точного выражения прошедшего действия, характера его. Так, например, аорист „седе" обозначает: 1) действие, длившееся определенное время: „и седе 2 недели" 10,11, „и седе окован от господина дни до великого говенія" 49,10. 2) наряду с этим значением („сидел"), аорист седе выражает действие перфективное, что можно передать в современном языке видом совершенным „сел": „Вниде князь Гюрги Кыеву и седе на столе, а Изяслав избежя Давидовиць Цьрнигову" 11,33, т. е. он вошел и сел, а Изъяслав убежал. Это уже не то, что „седе 2 недели". Ср. еще: „и седе на столе месяца октября в 9" 62,36. Иногда эти два значения аориста встречаются в одной фразе, и о их видовых различиях можно только догадываться, т. к. аорист своей формой этих различий не создает. Например: „Иде Ростислав к Чернигову из Кыева, седе (= сидел) в Кыеве неделю и победиша ѝ прельстивше и седе (= сел) Изяслав Давыдовиць Кыеве". То же можно сказать об аористе от итеративной основы „иде". Ср.: „иде на Русь ставиться" 25,29, „Василій абіе иде в Псков" 77,4.

Нельзя сказать, что такая нерасчлененность вида изображаемого действия, несостоятельность аориста обозначать все видовые оттенки—все это не ощущалось летописцами, что категория вида не оказывала никакого влияния на развитие форм аориста.

Наоборот, наряду с примерами полного безразличия к характеру основ аориста и действию, им выражаемому („и стоя все лето дъжгево" 25,33, „и тако „ста по 3 лета" 43,13, „той же лете стоя все лето ведром" 13,12), летописец для выражения действия, длившегося в прошедшем, использует аорист преимущественно от основ длительных, тогда как действие однократное обозначается им в большинстве случаев аористом от основ перфективных:

„В то же лето приходиша Емь и воеваша область Новгородскую" 9,22.

„на ту же зиму придоша Емь на водь ратью, или: „Той же лете стоя все лето ведром... нъ пакы на зиму ста вся зима теплом и дъжгем" 13,12. Между стоя и ста разница заметна: в первом случае указано на продолжительность во времени („стояло лето"), во втором же—наступление признака—„не стояла", а „стала".

Сближение форм прошедшего времени с видовыми оттенками достигается благодаря подбору автором основ с тем или иным видовым значением. Например, во фразе „взя князь литовский... пригород, а под Вороночем стоя 2 дни". 102,38 летописец не употребил аорист ста, который здесь неуместен по видовым причинам, и наоборот: „том же дне иде князь... на чюдь... и ста с новгородци под городом" 32,13, также 34,28, 41,35, 49,16 и др. Здесь, как видим, полное соответствие в употреблении аориста от определенной основы и видового характера обозначаемого им действия.

В конце летописи особенно распространены аористы с приставками, что опять-таки объясняется влиянием развивающейся категории вида на формы прошедшего времени, в частности совершенного вида на формы аориста. Если раньше для обозначения действия однократного („сел“) употреблялся аорист „седе“, как и в значении „сидел“, то в конце летописи этого уже нет. Для первого (перфективного) значения всюду употребляется аорист с приставкой: „вседе“, „заседе“, „наседе“, „и н а с е д е на его место“ 111,2. Прежнему „иде“ в значении совершенного вида позднее всюду соответствует форма „поиде“ 95,15, 93,16, 93,18 и др. или „съиде“ 105,37.

Если в начале летописи аорист б ы с т ь употреблялся в очень широком значении, то позднее он видоизменяется в п р е б ы с т ь: „и пребысть владыка в Москве 2 недели“ 91,1, также 96,5, 102,42, тоже с аористом в о е в а в значении недлительном, который видоизменен в „повоева“ и „повоеваша“ в Варзуге погость корельскый“ 108,40, также 103,18, 113,25, 97,27 и др. Развитие категории вида, выражавшееся прежде всего в осложнении основ приставками и подборе перфективных основ для обозначения действия совершенного вида, способствовало развитию перфекта за счет прошедших простых. Оно свидетельствует о том, что формы аориста теряют значение, придаваемое ими глагольным основам, входящим в аористические образования, что категория времени начинает входить в тесное соотношение с категорией вида. Если раньше самой формы аориста было достаточно для того, чтобы итеративная основа получила значение перфективное: седе—сел, иде—ушел (наряду с шел), то позднее, как видно, одна форма аориста этого значения не создает, она уже не состоятельна для этого, и летописец прибегает для выражения перфективного действия к приставкам „наседе“, „поиде“ и т. д. Из этого следует, что р а з в и т и е к а т е г о р и и в и д а р а с ш и р я л о и в м е с т е с э т и м у н и ч т о ж а л о з н а ч е н и е с а м о й ф о р м ы а о р и с т а, этим самым способствуя вытеснению его, как и имперфекта, перфектом.

Потеря прошедших простых началась одновременно с падением связки, потерей сложным перфектом своего специфического значения (когда он, даже имея связку, употреблялся уже рядом с аористом в одном и том же значении: „и за то князь великій... разгневася, а сам рек тако: за что е с т е х о д и л и на Влъгу и гостя моего п о г р а б и с т е много“ 88,30), а также развитием категории вида.

Новгородская летопись отражает вызванный этими причинами процесс распада всей системы форм прошедшего времени, процесс исчезновения (вернее, вытеснения) аориста, имперфекта и давнопрошедшего.

Рассмотрим, что происходило с аористом. Начиная, примерно, со второй половины летописи писцы перестают четко различать аорист и простой перфект. Они употребляют их с полным безразличием, один вместо другого, причем преимущественно перфект

вместо аориста и рядом с ним. Часто такой параллелизм встречается в одной и той же фразе:

„В то же время магнушь взя Ореховец, на спасов день, Аврама же и Кузму и иных бояр 8 взял к себе, а иных всех пустил“ 84,18

„а животов христіанских множество и з г о р е, а люді истопл в Волхве и от огня и з г ы б л о много“ 108,29 „и вси двиняне з великій князь з а д и л и с я, а к князю великому ц е л о в а ш а крест“ 98,14.

„Татарове в з я ш а град месяца декабря в 21, а п р и с т у п и л и в 16 того же месяца“.

„Но весть бяше сице, яко владыку Литва и з ы м а л и, а дети его и з б и ш а“ 76,9.

„и двери райски о п о л е л и... и в святем Костянтине том же часе иконы ополеше“ 108,35.

Интересно, что такой параллелизм распространен, особенно начиная с записей за 6823 (1315) год.

Если прежде был всюду аорист во фразе типа „на весн п о ч а ш а писати святую Софію“ 3,31, также 5,10, 6,24, 12,16, 32,2 46,22, 61,8 и т. д., то позднее аорист почти всюду заменяется перфектом: „в церкви, юже сам н а ч а л здати камену“ 73,39; ср. так же 71,36, 75,38.

Уже у второго писца (с 6733 по 6760 год) нередки замен аориста перфектом:

„а мы вашей земли н е з а я х о м“ 40,8,

„а мы вас н е з а я л и“ 40,15

„иніи же глаголють..., яко си суть и з ш л и из пустыня... бог еди весть, кто суть и отколе и з ы д о ш а“ 39,19. Но у него эти замен сравнительно редки. В конце же летописи, где, как видно, уже слаб ощущалось значение аориста и необходимость различения е с перфектом, (т. к. перфект сменил аорист не сразу и на протя жении большого периода времени употреблялся рядом с ним и вме сто его), там эти замены более часты. Перфект употреблялся вме сто аориста совершенного и несовершенного вида:

„Владыка Василіи х о д и л к митрополиту“ 77,15, ср.:

„х о д и князь великіи Иван в орду“ 79,6,

„тои же осени с т о я л князь у Полтеска“ 92,31, ср.;

„и с т о я ш а под городом неделю“ 96,37,

„и он п р е б ы л весну всю в Новегороде“ 97,9 ср.:

„и п р е б ы с т ь в великом Новегороде 2 недели“ 96,5, или:

„п р е б ы с т ь владыка в Москве 2 недели“ 91,1.

В летописи встречаются фразы, в которых аорист почти це ликом вытеснен перфектом: „и он молбы не пріял, а их не п о с л у ш а л и, миру не дав, п о е х а прочь“ 76,25. О том, что аорис сдавал свои позиции, свидетельствует и следующие фразы, г всюду место аориста занято перфектом:

„Анфан Микитин.., в з я л всю двиньскую землю на щит, б вести, в самый петров день, христіан п о с е к л и и п о в е ш а л а животы их и товар п о и м а л“ 101,35.

„и сам бо владыка пристал к тому и почал и кончал своими людьми“ 78,$_{40}$.

Если выразить распространение перфекта за счет аориста в цифрах, проследив это в начале и конце летописи, то получится следующая картина. На десяти страницах летописи в ее начале (9—18 стр.) всего форм прошедшего времени 466; из них форм перфекта только 6, т. е.—1,3 %; аориста — 460 или 93 %, имперфект и давнопрошедш. 31 или 5,7%.

Десять же страниц текста из конца летописи (93—102) дают иные показатели. В них из 404 форм прош. времени перфект занимает 12 %, т. е. встретился 49 раз, аорист же 344 или 85 %, имперф. и давнопрошедш.—11 или 3 %.

Как видно, количественное соотношение форм резко изменяется в пользу перфекта (1,3 % и 12 %), не говоря уже о качественных изменениях, которые претерпела система форм прошедшего времени с XII по XIV век, о чем ниже. Формы аориста количественно уменьшились (93 % и 85 %).

Сравнение позднейших списков 1-й Новгородской летописи (Академического, Толстовского, Карамзинского) с Синодальным также дает материал, отражающий развитие перфекта и замену им прошедших простых.

Так, в одних и тех же предложениях, где в Синод. обычно аорист, в АКТ—перфект: постиже 27,$_{10}$ — постиг (АКТ), и впряжъ 28,$_{14}$—и впряг, стоа 35,$_{45}$—стоял, възда 46,$_{18}$—воздал, да 76,$_{26}$—дал и т. д.

По мере распространения перфекта аорист все больше исчезает, употребляется не на своем месте, смешивается по значению с имперфектом. Он начинает употребляться вместо имперфекта, обозначая кратное действие. Например: „и приступиша к граду в неделю на събор и съездишася по 3 дни, в четвертый же день приступиша к граду“ 15,$_{7}$ (вм. съезжахуся).

„Людіе же боящеся не смеаху в городе жити, но по полю иніи по рли живяху... и бегаша по неделю и боле“ 81,$_{19}$ (вм. бегаху).

„Тогда гоняшася оканіи безбожницы от тържку сергевьскымь путемь и все люди секуще акы траву“ 52,$_{11}$ (вм. гоняхуся); „егда бо татарове приступаху к граду... тогда же граждане стрегуще град супротивишася им“ 86 стр., 4-я Новгород. летопись (вм. супротивляхуся).

„и много молиша и новгородци... и не послуша“ 75,$_{3}$ (вм. моляху,—сравни: „новгородци же много моляхусь... и не можахуть его уяти“ 36,$_{7}$).

„и даваша ему 5—сот рублев, а свободы бы ся отступил, и много моли его владыка, чтобы мир взял, и не послуша“ 77,$_{2}$ (вм. даваше, моляше).

„А посем пакы Новгородци с князем Ярославом и с игумены гадаша промежу себе: сіи хотяху поставити Митрофана, а иніи Мартуріа, а друзіи Гричина, и бысть распря в них“ 21,$_{8}$ (вм. гадаху).

„и за 30 верст до Новгорода г о н я ш а с я, гость біюче" 53,$_{30}$ (вм. гоняхуся).

„и с е д о ш а около церкви нощь и день коромольници стрегуще его" 78,$_{18}$ (вм. седяху, ср.: „и стражье стрежаху день и нощь с оружіем 71,$_{13}$, также 8,$_{17}$).

„и оседоша город и седеша 5 недель и изнемогаша в граде зане не бяше им корма, друзіи бо их и конину ядяху 18,$_{13}$ (вм. изнемогаху).

„Х о т е ш а ити на Литву, а иніи на Полотеск, а иніи на Нарву" 59,$_{19}$ (вм. хотяху, ср. „сіи х о т я х у поставити Митрофана, а иніи... 21,$_{8}$) и так далее.

Смешение аориста с имперфектом можно проследить и при сравнении текста Синодального списка с позднейшими. Обычно аористу Синод. списка в АКТ соответствует в одних и тех же фразах имперфект: в о е в а ш а волость 27,$_{34}$—воеваху (АКТ) г о н я ш а с я 52,$_{12}$—гоняхуся, с т о я 55,$_{38}$—стояше. Между прочим, в последнем случае „грешит" Сионадьный список, в нем аорист употреблен неправильно, вместо имперфекта: и с т о я всь полк по 3 дни за свою правду".

Потеря значения аориста означала собой и начало разрушения его структуры: он теряет согласование с подлежащим в числе и лице, что стало возможным после потери к нему чутья, когда он употреблялся в ряде случаев по традиции, и летописец слабо представлял себе его структуру и уместность употребления.

Случаи потери согласования аориста весьма многочисленны:

„а луцяне у с т е р е г о с т а с я и отступиша" 14,$_{13}$,

„и тем ê (их) о б л и ц и рязаньстіи князи" 30,$_{14}$,

„и оканьным татарам, и н а ч а оканьныи боятися смерти, рече Олександру: даи нам сторожи" 42,$_{18}$,

„И н а ч я (АКТ—начаша) здати церковь маія месяца..., а коньцяша месяца августа" 17,$_{14}$.

Подобно этому примеру, аорист часто не согласован во фразе, где рядом другой аорист употреблен правильно:

„а Николу я ш а и жену его я" 27,$_{31}$ (вм. яша), „в город Галиць въеха, а королевиця рукама я ш а (АКТ изыма) 37,$_{31}$,

„И маю не в з я ш а его, а немець много п о б и и у б и ш а же ту воинева сына" 81,$_{23}$.

В приведенных примерах нет согласования в един. и множеств. числе. Кроме этого, как обычное явление в памятнике наблюдается отсутствие согласования в д в о й с т в е н н о м ч и с л е:

„и с т а ш а обои послы на Ярославле дворе" 62,$_{54}$,

„и два попа сгореша" 66,$_{33}$,

„и п о и д о ш а в орду оба" 68,$_{23}$,

„и д о с п е ш а тогда обе стороне противу себе" 87,$_{9}$,

„а деревянных 2 церкви съгореша" 97,$_{3}$,

„и ту обои полкы с т у п а ш а с я" 91,$_{33}$,

„и абие с ъ в ъ к у п и ш я с я полкы обои" 92,$_{14}$,

„п р е с т а в и ш а с я в мнишьском чину два посадника" 109,$_{36}$,

„того же лета съвръжены б ы ш а (в АКТ то же неправильно—„бысть") две церкви камены" 110,$_{19}$,

„и умоли брата Исак и п р и я ш а (АКТ—прияста) извещение с сыном" 26,$_{18}$ и т. д.

Из примеров следует, что двойственное число заменялось в летописи преимущественно множественным.

Число примеров потери согласования аориста в ч и с л е можно увеличить, сравнив предикаты одних и тех же фраз С и н о д а л ь н о г о и д р у г и х с п и с к о в, в которых аорист не согласован с существительным:

В Синодальноам:	освятиша	4,$_{18}$,	в АКТ	освяти
	каньцяша	4,$_{3}$,	"	коньца
	изыма	7,$_{4}$,	"	изымаша
	услышаша	9,$_{20}$,	"	услыша
	создаста	15,$_{17}$,	"	создаша
	паде	17,$_{21}$,	"	падоша
	коньцяста	18,$_{19}$,	"	кончаша
	постависта	18,$_{21}$,	"	поставиша
	заложиша	24,$_{28}$,	"	заложи,

также 25,$_{8}$, 25,$_{22}$, 30,$_{3}$, 31.$_{24}$, 39,$_{7}$, 39,$_{3}$, 42,$_{7}$, 42,$_{20}$, 45,$_{32}$, 47,$_{10}$, 57,$_{2}$, 58,$_{38}$, 68,$_{6}$, 69,$_{34}$ и т. д.

Итак, случаи потери согласования в числе встречаются в памятнике очень часто. Потеря же согласования аориста в лице встречается гораздо реже. Можно указать на такой случай: „и сами п о и д о с т е в Новъгород, а правды не сътвористе, а города не взясте..., а за то нашю братью и з б и ш а (вм. избисте) или есте думали"... 43,$_{24}$.

Одновременно с нарушением согласования происходит и смешение конструкций аориста и имперфекта. Образуются к о н т а м и н и р о в а н н ы е ф о р м ы. В 3 л. множ. числа вместо окончания аориста ш а появляется иногда окончание единств. числа имперфекта—ш е:

„отець и мати чадо свое в ъ с а ж а ш е в лодью" 5,$_{32}$, „видеше воду текущю идоша" 26,$_{28}$ (АКТ видеша).

Эта замена окончаний типична не только для Новгородск. летописи. Ниже мы приведем многочисленные примеры из Псковск. летописи.

Соболевский в „Лекциях" приводит следующие случаи такой замены в памятниках 13-14 в. в.: позобаше, повелеше, послаше, честя ш е, моля ш е ся, въсажаше, видеше и т. д. Затем, аористическое ш а заменяется инперфективным окончанием 3 л. множ. — х у: исцели х у, придо х у, теши х у, взя х у, ходи х у и т. д. (Лекции, 165).

В Новгородской летописи также встречается вместо ш а окончание—ш ь, напоминающее собой окончание 2-3 лица имперфекта —ш е: въвьргошь 42,$_{12}$ (АКТ—въвьргоша).

Затем, сама основа, входящая в образование аориста, в ряде случаев приближается, благодаря префиксации, к основам буду-

щего времени. Так, в четвертой Новгородской летописи нам встретился такой аорист: поедоша (25 стр.).

В 1-й Новгородской аорист также смешивается с формами будущего времени, что указывает на потерю его значения: „мы же, ту страсть видевше, ни худе покаемся грех своих, но горше быхом на зло“ 60,7 („в АКТ“ ни худе покаахомся грехов..“).

Ср. также: „дондеже Гюрги придеть“ 11,1 (АКТ—прiиде).

Таково общее состояние употребления аориста в Новгородской летописи. Он, кроме смешения с перфектом и имперфектом, в ряде случаев передается позднейшими списками через причастие или наоборот. Так причастию Синодального списка в АКТ соответствует аорист:

въгонивше	48,3	въгониша	(АКТ)
отступивше	49	отступиша	
сдумавше	59,24	сдумаша	
отдавше	61,1	отдаша	
повелев	74,18	повеле	

или же аористу Синодального соответствует в АКТ причастие:

уведаша	61,6	уведавше
запалиша	68,2	запаливше
приступиша	72,33	приступив
хоте	61,11	хотя

Это смешение форм, безразличное употребление их также характеризует процесс распада системы форм. Местами аорист начинает входить в такие сочетания, где ему не должно быть: „бысть вода велика в Волхове, якоже не бысть была такова николиже“ 78,23. Как известно, аорист от быти с причастием на —л образует условную форму, здесь же этого нет. Здесь же он употреблен неудачно, вероятно, по аналогии с плюсквамперфективной формой „бе была“.

Итак, процесс падения аориста, отражавший распад всей системы, заключался в том, что аорист смешивался по значению с перфектом, имперфектом, даже причастием, терял согласование в числе и лице, образовывался не всегда правильно, заимствуя окончания имперфекта или префиксованную основу будущего времени. Суммируя все это, мы можем со всей определенностью констатировать, что во время Новогородской летописи в речи книжников аорист начал выходить из употребления, что грамотные люди того времени теряют четкое представление о нормах и принципах его употребления, предпочитая ему в многочисленных случаях простой перфект.

Обратимся теперь к имперфекту. Его судьба аналогична с тем, что претерпевал аорист. Количественно имперфект представлен в летописи гораздо слабее, нежели аорист. Если последний встречается 4384 раза, то имперфект только 219. Уже эта незначительна цифра говорит о нераспространенности имперфекта, часто заменяемого аористом или перфектом. Сфера его употребления была

довольно узкой. Он выражал только кратное действие, длившееся и прерывавшееся в прошлом. Действие же прошедшее, длившееся определенное время, но представляемое как единое, не повторявшееся, имевшее предел, обычно обозначал аорист, хотя бы оно и было имперфективным и на современный язык переводится видом несовершенным: „и много воеваша лыдіе Гюргево и по Волзе взяша 6 городъ к" 10,22, „и стояша под городом неделю" 96,37.

По сравнению с имперфектом, функции аориста были довольно многообразны. Кроме того, он выражал свершившийся факт, что достигается формами от основ недлительных, перфективных: „поби владыка... святую Софью всю свинцем" 57,21, „победиша половчи Святопълка 3,18 и т. д., а также действие, длившееся в прошедшем—„воеваша" 10,22, „стояша" 96,37; аорист в ряде случаев обозначал инконклюзивное действие, входя при этом в сочетание с инфинитивом: „а останъ к почаша мерети" 46,22, „и поча звати Новгород Кыеву 32,23" и др.

Наконец, аорист, образуя с причастием страдат. залога составное сказуемое, обозначал сам факт свершения действия, характер которого выражен причастием: „един от дьяк заражен бысть от грома", 4,28 „и ту убіен бысть Костянтин" 69,32 и др., или же описывал состояние: „и ради быша Новгородци своему владыце 42,2, что, однако, с успехом выполнял имперфект. Ср.: „и жаляху по нем в Новегороде добріи, а зліи радовахуся" 23,20.

Сфера же употребления имперфекта была ограничена в силу того, что он только описывал прохождение действия: „а Всеволод иде на Чьрнигов, совокупив силу свою и половьчьску силу приведи вожаше с собою посадника Новгородьскаго Мирошку" 23,20 (водил, может быть, много раз).

Следовательно, к имперфекту летописец прибегает лишь в тех случаях, когда ему надо рассказать что и как происходило когда-то. Причем у него выработался известный штамп. При описании бедствий народных он всюду прибегает к перфекту: „н лют бяше путь, оже купляху по ногате хлеб" 5,9, „осминка ръжи по гривне бяше, и ядяху люди лист липов" 5,28. „и купляхом кадку малую по 7 кун, о велика скърбь бяше в людьх 13,14. „и купляху суждальцъ по 2 ногате" 15,11, „быть дороговь в Новегороде и купляху кадь ржи по 4 гривне, а хлеб по 2 ногате" 15,12, „друзіи бо их конину ядяху" 18,12 „сже купляху по 2 ногате хлеб" 19,34, „оттоле вста зло по вся дни загорашеся невидимо и 6 мест и боле, и не смеяху людие жировати в домах, но по полю живяхуть" 22,13, „а в Новгороде бысть зло вельми: кадь ржи купляхуть по десяти гривен..., ядяху люди соснову кору. О горе тъгда, братіе, бяше! дети свое даяхуть одьрень... о горе бяше! по търгу трупіе, по полю трупіе не можаху пси изъедати человек" 33,15, также 43,12, 47,28, 48,18, 93,27, 107,11 и т. д.

В этих примерах хорошо обнаруживается значение имперфекта. Здесь он употреблен в полном соответствии с нормами

старославянского языка. Ср., например, употребление имперфекта в Зогр. ев.: „и вьсь народ искаше прикасати ся емь, еко сила из него исхождааше и ицелеаше вься" (Зограф. ев. [1]).

Никакая другая форма прошедш. времени не была в состоянии описать, рассказать о этих событиях бедствиях („умираху на всяк день", „успеваху" и др.), кратном характере их.

Имперфектом автор пользуется еще при ссылках на свои источники, т. е. разговоры в народе, что обычно передает имперфектом „творяхуть" в значении „говорят", „говорили": „а иніи творяхуть, яко и епискуп убьен бысть" $33,_{9}$, „бе бо их пришло творяху 2000 или боле" $43,_{2}$ также $7,_{16}$, $22,_{17}$, $42,_{20}$, $56,_{11}$, $71,_{33}$ и т. д. Здесь имперфект также вполне уместен.

Если в этих двух видах „штампа" („купяхуть" и „творяхуть") имперфект вполне уместен, то в ряде случаев он употреблялся, не согласуясь с нормами старославянск. языка, а также и вопреки своему исконному значению.

Так например, он распространен во фразе типа „тверд бяше град Юрьев" $7,_{11}$, где дается только указание на признак, а не на характер прохождения действия: „взбегоша на детинец, бяше бо то место вельми сильно твердо" $69,_{33}$, „бяше бо мужь благ, кротък" $47,_{13}$, „тогда же не бяше князя в Новгороде" $56,_{7}$, „нельзе бяше поити никуда же $26,_{34}$, „а в Новгороде хлеб бяше дорог" $63,_{23}$, также $71,_{1}$.

Такие случаи употребления имперфекта падают преимущественно на придаточные предложения:

Выгнаша Новгородци князя... зане князь еще мал бяше" $28,_{17}$.

Во всех этих случаях имперфект обязан своим существованием только традиции, выработавшемуся штампу выражений, что можно утверждать, судя по след. фразе, где форма бяше даже не согласована с существительным мн. числа: „а с ним бяше бояре Новгородскіи" $75,_{28}$.

Вообще показания формы имперфекта от быти—бяше—весьма сомнительны для того,чтобы судить о закономерностях употребления имперфекта, о его значении. Скорее путаница в ее употреблении отражает распад системы, потерю своего значения, ибо бяше всюду смешивается с аористом бысть. Сравни: „лют бяше пожар" $70,_{5}$ и „бысть лют пожар" $70,_{7}$, или: „того же лета в Пскове бяше мор" $102,_{23}$.—„и мор бысть в Корельской земли" $110,_{17}$, „и тогда бяше мор над людьми" $103,_{14}$. „бе мор страшен $107,_{8}$, „и не бяше вести... в новегороде" $22,_{2}$, „и не бысть им помощи от Новогорода" $92,_{33}$ и т. д.

Процесс падения имперфекта таков же, что и у аориста. С падением связки и переходом перфекта в область прошедших простых имперфект начинает вытесняться перфектом: „и бысть сеча зла, якоже и не бывала такова литовской земли" $101,_{4}$

---

1) Leskin „Handbuch", Texte, стр. 159

(вм. общеупотребительного бяше). Затем, он смешивается по значению с аористом, употребляется вместо его. Сюда относятся след. случаи: „и не послуша их царь и даже княжение великое князю Ивану Ивановичю“ 86,6,

„Царь Махметь даше княжение великое князю“ 113,13.

Случаи такого „безграмотного“ употребления встречаются, между прочим, преимущественно в конце летописи. Ср. еще: „князь великіи Василей Васильевичь целоваше крест к великому Новугороду, а Новогородци так же... целоваша“ 112,2,

„и князь великіи Жидимонт литовскіи целоваше крест“ 112,22. В начале же летописи в таких выражениях, как и следует ожидать, всюду аорист: „и крест целова и князь“ 38,12, также 34,21, 37,12. Затем аорист начинает сменяться перфектом:

„и крест целовал“ 47,2. Форма же целоваше, представляющая собой контаминацию основы аориста и окончания имперфекта, употреблена неправильно, подобно следующим случаям:

„не терпяше бо господь бог нашь зрети на нечестивыя.... воздасть им по делом их“ 38,22.

„и воеваше князь Раслав... землю литовскую“ 102,9.

„и начаша люди лупити, а перевозников бити от брега, а сосуды изсецаху“ 96,36.

„Новгородци же ведяху, иде князь идеть“ 56,11.

„и литургии 3 съверши в церковах и оттоле поидяше к Новугороду“ 87,36. Здесь, в последнем случае, не только неправильно употреблен имперфект (вм. аориста поиде) но и хорошо представлен распад самой формы имперфекта, в состав которой входит префиксованная основа поид-ти, перфективная по своему существу и свойственная только аористическим образованиям. Сравни:

„а на виму поиде Давыд к Полотеску“ 19,2 также 91,39. 93,15-17 и др.

Смешение значений имперфекта и аориста можно установить и путем следующих сопоставлений, где употребление их безразлично:

„и стояше под Вышегородом 7 недель“ 15,34,

„и стояша под городом 5 недель“ 29,24, также 28,10,

„исходящу лету слахуся новгородци к Всеволоду“ 23,20, том же лете смяшася по Гюрге“ 78,5,

„а новгородци послашася к Всеволоду“ 18,16.

„а князь с новгородци посылаху к ним, просяце пълку“ 17,32.

О потере чутья к прошедшим простым свидетельствуют также следующие случаи безразличного употребления их: „Новгородци же много моляхусь... и не можахуть его уяти“ 36,7, Ср.:

„Новгородци же много уимаша í... и не могоша его умолити“ 41,36.

У третьего писца также аорист: „и много молиша í Новгородци и не послуша“ 75,33.

Потеря значения имперфекта сопровождалось неправильным образованием его. Так имперфект начинает образовываться от аористических основ: „даше“ 111,15, также 86,6, 113,13, „пои-

дяше 87,$_{36}$. Основа да-ти, безусловно, присуща аористическим образованиям, в ней нет указаний на имперфективность, тогда как для имперфекта существовала основа дая-ти: „ядяху люди соснову кору... дети свое даяхуть одьрень" 33,$_{15}$. Следовательно, имперфект... „даше княженія" образован неправильно и употреблен неуместно.

Контаминированную форму имеет также имперфект хотеху 30,$_{22}$, в котором основа аористическая (ср. хотеша 59,$_{19}$, 61,$_{18}$ и др.), т. к. для имперфекта существовала другая основа: „хотяху" 21,$_{9}$, 44,$_{18}$.

То же можно сказать об имперфекте поидяше. Ср. аорист поиде 32,$_{41}$, 35,$_{24}$, 50,$_{17}$ и др. и имперфект хожаху 23,$_{35}$, 26,$_{18}$, 29,$_{3}$, 59,$_{16}$, 79,$_{41}$, 100,$_{21}$ и др.

Эти неправильные образования обычно сопровождались нарушением согласования имперфекта (чего нельзя сказать о простом перфекте, не имеющем ни одного случая потери согласования или неправильного употребления, а следовательно, ощущаемом писцом как живая категория). Имперфект—сказуемое сплошь и рядом не согласуется с подлежащим:

„выведе... Ярослава Володимирица: негодовахуть бо ему новгороци, зане много творяхху пакости волости новогородскеи" 18,$_{25}$. Нужно было: „зане много творяше (он, князь) пакости". Форма творяхуть могла появиться по аналогии с негодовахуть.

Ср. еще: „а с ним бяше бояре Новгородскии" 75,$_{28}$, (вм. множеств. бяху, хотя в следующем случае наоборот—множ. число вм. единственного: „и не беша (аористная форма) мира межи ими" 23,$_{6}$, АКТ (в Синодальн. сп.—бяше). Вообще формы аориста беша (ед. бех) не только по значению, но и по форме смешивается с имперфектом бяху (ед. число бях), в результате чего появляется контаминированная форма беше 12,$_{28}$, 42,$_{4}$, 14,$_{37}$, где основа бе аористическая, а окончание 2-3 л. ше—имперфективное. Она встретилась в летописи всего три раза. Затем форма беша, относящаяся, как и в старославянском языке, по значению к имперфекту, а по форме к аористу, употребляется и в значении последнего, что также свидетельствует о потере ее значения.

Например:

„а иніи падоша, аки мертвы быша, овы онемеша, а иніи без ног беша и глуси быша" 108,$_{37}$.

Итак, процесс падения имперфекта заключался в том, что он, весьма ограниченный по сфере употребления, стал смешиваться с аористом, перфектом, употребляться неправильно, терять свои формы, согласование. Причем этот процесс начался одновременно с переходом перфекта в область прошедших простых, одновременно с потерей аориста. Но последний, более распространенный и богатый по сфере употребления, держался в памятниках несколько дольше имперфекта (о чем см. ниже). Рассмотрим теперь историю исчезновения давнопрошедшего.

Как только было потеряно значение имперфекта, входящего вместе с причастием в сочетание—л бях, началось и исчезновение давнопрошедшего, т. к. значение действия предпрошедшего или вообще прошедшего, далее отстоящего от момента речи, тоже выражаемого прошедшим временем, создавалось в сочетании бях —л имперфектом. Однако, не только потеря значения имперфекта послужила причиной исчезновения формы давнопрошедшего. Существенное значение имело здесь падение связки перфекта, в результате чего была устранена соотносительность форм и значений след. сочетаний: „есмь пришел“ и „бях пришел“. Таковы причины потери давнопрошедшего, заменяемого перфектом.

В летописи мы находим много случаев, где давнопрошедшее или вообще употреблено неправильно или заменено простым перфектом и даже (чего меньше всего можно было ожидать) аористом. Например:
„и седеша месяц в Торжку, город утвердивше, а ко князю посълаша преже того Кузму Твердиславля“ 80,$_{23}$. Здесь вместо аориста послаша мы бы ожидали давнопрошедшее „послали бяху“ в латинском языке это было бы передано plusquamperfekt'ом mitterant.
„и дворяны придоша в шатьр ею сь же Глеб преже прихода их... скры я в полостьници близ шатра 36,$_{25}$.

Тоже вм. скры нужно скрыл бяше, imponerat.

Давнопрошедшее заменено перфектом в след. случаях:
„убиша князя Александра... в орде, призвал бо его царь Озбяк лестию“ 79,$_{30}$.
Сравни: „Тогда же и Данилко писцев убиен бысть на рли от своего холопа, обадил бо его бяше к горожаном“ 71,$_{35}$. или: „побиша у святеи Софіи маковцу свинцем, коя бо в пожар огорела“ 97,$_{25}$. Бесспорно, и здесь нужно давнопрошедшее, ибо она огорела раньше, до ремонта. Затем, речь идет не о процессе действия, а о состоянии этой церкви, поэтому здесь давнопрошедшее уместно, т. к. оно, как и перфект сложный, выражало действие, свершившееся раньше, но констатируемое к моменту другого прошлого. Разница между перфектом и давнопрошедшим заключалась в том, что последнее посредством имперфекта бях отводило действие дальше от настоящего момента, тогда как связка есмь констатировала это действие в настоящем, т. е. во время речи: „есть пришедший“ и „был пришедший“.

Сопоставим для убедительности с примером „в пожар огорела“ такой случай правильного употребления давнопрошедшего: „того же лета начаша съзидати церковь, коя бо бе порушилася“ 65,$_{27}$. Хотя наряду с этим встречается в значении давнопрошедшего простой перфект, что свидетельствует о полном безразличии в употреблении этих форм:
„того же лета заложиша церковь камену.. которая порушилася“ 68,$_{6}$ или: „заложи владыка Василіи святую пятницу, что порушилася в великіи пожар“ 2,$_{35}$.

„Того же лета поставиша церковь камену..., а преже того также камена была (—lapida erat), нъ сама палася от старости“ 86,$_{19}$. „Мстислав же с Володимером с пльсковскым поиде борзе в 5 сът. толико бо всех вои бяшеть, и пригони, оли побегли прочь“ 34,$_{9}$ (по АКТ, побегли бяху).

„и бысть зол путь, акы же не видали ни дни ни ночи 56,$_{13}$ (по АКТ же „ведали бяшеть“, что, впрочем, неуместно и несогласовано: причастие множ. числа, а имперфект единственного).

Считаю неуместным употребление давнопрошедшего в следующих случаях:

„Тои же зимы хлеб бяше дорог в Новегороде, а в Пльскове почали бяху грабити недобріи людіе села и дворы в городе“ 71,$_{1}$, „и священа бысть церкви святыя троица благословением архіепископа... Алексея, месяца генваря 30 на память святаго мученика Пополута. Тогда бяше послали Саву Купрова в Немецкую землю послом“ 89,$_{9}$. Здесь, в последней фразе, нет другого прошедшего, в соотношении с которым создается значение давнопрошедшего. Последнее, взятое отдельно, само по себе значения предпрошедшего не создает, а указывает лишь на то, что действие вообще отстоит далеко от настоящего.

Кроме этого, в сочетании „бяше послали“ нарушено согласование, что опять-таки свидетельствует о потере его значения.

Значения и необходимости в давнопрошедшем не чувствуется и в след. фразе, где наряду с ним выступают аорист или же страдат. причастие со связкой:

„а сих не выдадим, крещени суть в нашу веру, а и без того мало их бе осталося, а то вси помроша гневом божим“ 79,$_{20}$.

В риде случаев трудно установить разницу в употреблении давнопрошедшего и имперфекта. Оба они обозначают действие, выводя его из ряда следовавших одно за другим событий, что обычно бывает в придаточных предложениях, поясняющих действие или субъект главного. Сравни:

„инговор же приспе пріехати к ним, не бе бо приспело время его“ 36,$_{20}$ и

„в нове же городе бысть мятежь велик, не бяше бо князя Ярослава“ 48,$_{13}$;

„и в спятишася лодьиницы оттоле в город..., не достало бо у них бяше хлеба“ 49,$_{30}$ и

„выгнаша Новгородци князя, зане князь еще мал бяше“ 58,$_{17}$, „и прияша его Псковичи с честію, понеже не был бяше владыка в Пскове 7 лет“ 77,$_{5}$, также 62,$_{5}$, 71,$_{36}$, 73,$_{28}$, 78,$_{36}$, 79,$_{11}$, 92,$_{38}$ и др.

Русская форма давнопрошедшего, имевшая в значении оттенок незаконченного, прерванного действия („не мыслил есмь до Пльскович груба ничего же, нъ везл есмь был в коробях дары“ 43,$_{8}$), с потерей связки сокращается в „везл был“, опуская глагол настоящ. времени, а по значению отождествляется с формой везл бях.

„Архіепископ новгородскіи Василіи покры святую Софію свинцом, что была погорела, и иконы исписа и кивот доспе“ 80,41. Сравни: „нача созидати церковь, коя бо бе порушилася“ 65,27, или „бяше погорел“ 6,26.

Потеря значения давнопрошедшего, ощущение несостоятельности одной только формы его выражать время предпрошедшее или дальше, чем другое прошедшее, отстоящее от момента речи, выражается и в том, что давнопрошедшее почти всюду сопровождается словами, указывающими на предшествование действия (преже того, тогда, уже и др.). Эти аналитические конструкции, с одной стороны, способствовали пониманию значения бях—л, с другой же, они по мере своего развития переносили выражение этого значения на самих себя, освобождая от него само сочетание бях—л. Следовательно, с потерей значения форм в языке вырабатывались средства их замены. Например: „Тогда же бяше пришел преже“ 31,32.
„преже бяше погорел“ 6,26.
„преже бяхуть Грьци пустили“ 28,14.
„преже того выпровадили бяху“ 81,18.
„бяху в то время изгнали“ 32,5 также 43,29, 45,27, 52,6, 62,5, 79,8, 79,1, 87,16, 89,11 и др.

Наконец, потеря давнопрошедшего выражалась и в нарушении согласования его составных частей в числе: „тогда бяше послали“ 89,10, „и бысть зол путь, нъ не ведали бяшеть“ 56,13 (АКТ). Потеря значения имперфекта вызвала нарушение согласования его (в составе давнопрошедшего) в лице: „Новгородци же кляняхуся ему: княже, тем гнева отдаи, а от нас не езди: еще бо недобре ся бяху умирили с немци, князь же того не послуша“ 16,11 (вм. бяхом умирили, т. к. подлежащее 1-е л. мн. числа). Прекрасным примером, иллюстрирующим потерю значения связки, а равно и значения имперфекта, входящего в образование давнопрошедшего, является следующий пример, где при одном причастии стоят сразу два глагола, а при другом ни одного: „ту ся воротиша, бяху бо ту вышли суть суждальци пълком и угошили около себе тврдь“ 17,31 (АКТ).

С падением связки полная форма русского давнопрошедшего сокращается: раньше—„везл есмь был“ 43,9, позднее—„были пошли“ 74,31 (хотя в АКТ „быша пошли“ что уже свидетельствует о исчезновении вообще формы давнопрошедшего. Ср. также „бысть была“), „была погорела“ 80,42 и др.

В данной главе мы старались определить причины, вызывавшие разрушение системы форм прошедш. времени русского глагола и показать самый процесс этого разрушения.

Вызванный падением связки, передавшей свою предикативность причастию и поставившей перфект в разряд прошедших простых, этот процесс выражался в следующем:

Как только причастие на—л стало выполнять функции прошедших простых, т. е. употребляться как verbum finitum, послед-

ние начали смешиваться между собой, их значения и нормы употребления перестали четко ощущаться грамотными людьми того времени, и эти формы, вытесняемые перфектом, исчезали из употребления. С потерей связки и имперфекта исчезло и давнопрошедшее. В языке сохранился лишь простой перфект, полностью заменившей все прежние четыре формы прошедшего времени.

Процесс распада системы сопровождался развитием категории вида, оттенки которого не были в состоянии полностью выражать ни аорист, ни имперфект, т. к. вообще система форм прошедшего времени не имела твердых соотношений с категорией вида и история ее унификации есть, в своем роде, приведение в соответствие морфем времени с категорией вида.

В перфекте эти морфемы получали наибольшее развитие. Так, присоединение префикса совершенно изменяет видовое значение глагола: шел—пошел, ел—поел и т. д., хотя прежде такой ярко выраженной семантической нагрузки префиксы не имели. Как мы видели, формы аориста иде и поиде, воеваша и повоеваша были равнозначны и употреблялись почти безразлично. Кроме закрепления за префиксами определенных видовых значений, в перфекте произошла строгая дифференциация видовых значений самих основ.

Если раньше формы аориста стоя и ста употреблялись в одном и том же значении, то позднее уже формы стоял и стал обычно не смешиваются между собой, т. к. видовые значения их строго дифференцированы. Тоже можно сказать и о суффиксах, характер которых (или вообще наличие в слове) не безразличен для его значения: ходил—хаживал, выгладил—выглаживал и т. д. и т. п.

Следовательно, на памяти истории за морфемами времени были строго закреплены видовые значения, что стало возможным только после падения специальных значений форм аориста, имперфекта, перфекта и давнопрошедшего, имевших вневидовое значение.

Типичен ли сформулированный нами на основании показаний Новгородской летописи процесс распада системы, как была компенсирована потеря форм прошедшего времени, какова хронология исчезновения этих форм—все это мы постараемся рассмотреть в следующей главе.

II

Типичен ли изложенный выше процесс унификации системы форм прошедшего времени, можно ли обобщить данные Новгородской летописи на всю древнерусскую письменность XI-XIV в.в.?

На этот вопрос мы отвечаем положительно, ибо показания других письменных памятников полностью согласуются с теми, что были приведены нами. Кроме того, у нас нет оснований не доверять показаниям летописи, писавшейся в течение многих лет и, следовательно, отразившей довольно продолжительный период в развитии русского языка. Формы прошедшего времени хорошо представлены в летописи, они многочисленны (около пяти тысяч). Следовательно, случайность аргументации выводов здесь устранена.

Рассмотрим теперь состояние глагольной системы в других памятниках древнерусского языка. При подборе источников мы отдаем предпочтение собственно русским памятникам, т. е. не переписанным с церковно-славянских оригиналов, что обычно для памятников литургического жанра, а появившимся на русской почве—памятникам деловой речи и художественной прозы. В них богаче представлены особенности древнерусского языка и процессы его развития. Оставляя пока хронологию потери ряда форм, мы проследим, как отразился в других памятниках процесс унификации системы форм прошедшего времени, общ ли он с тем, каков мы наблюдали в Новгородской летописи.

Как уже было сказано, этот процесс начался с падения связки перфекта и, следовательно, потери собственного значения перфекта. Опущение связки в древнейших новгородских уставных, купчих и договорных грамотах—обычное явление. Например:

„аз дал рукою своею", Грамота Мстислава Юрьеву Монастырю 1130 года [1]).

„егда прияле святое крещеніе"—Устав кн. Всеволода 1125-37 г. г. (там же, 43).

„самы управиле", „что принесл на Русь"—Устав..., стр. 45.

„что я урядил князь"—Устав Святослава 1137 г. (таж же, 48).

„а Донец впал в...., а деревяница впала в Волхов"—Купчая 1147 г. (там же, 48).

„се дал Варлам"—Вкладная 1192 г. (там же, 50).

„что ся учинило", „воспросили", „отступили", „целовали"—Договор в. Новгорода с Ганзой 1257 г. (там же, 109-10).

Связка опущена также во Вкладной Варлаама Хутынскому монастырю—„се въдале„[2]), в договоре Смоленска с Ригою и Готск. берегом 1229 г., где во всех 23-х случаях употребления перфекта связка опущена: „умьрл, уздумал, прислал, была" и т. д. (там же).

То же можно сказать об описании Константинополя начала XIV века [3]), в котором все 42 случая перфекта без связки.

В Слове о полку Игореве встречаются только три случая связочного перфекта: „еста начала" 70 [4]), „пробил еси... лелеял еси", 73. В остальных же двадцати случаях всюду связка отсутствует: стала 66, запалила, залетело, были, минула 67 и т. д.

Обратимся теперь к цифрам. Процент опущения связки в Новгородской летописи, как мы уже сравнивали, несколько выше, чем в Лаврентьевской (76 и 56). Это об'ясняется и временем написания и известной архаизацией языка в киевской школе

---

1) Памятники истории в. Новгорода и Пскова, Кочин, 1935 г., стр. 40.
2) Древн. памятники русского письма и языка, Срезневский.
3) Из старинной новгородской литературы, Сперанский, 1934 г., стр. 128-137.
4) Слово о полку Игореве, изд. Academia, 1934 г.

книжников, где традиции церковной письменности были развиты значительно сильнее, чем в Новгороде.

По сравнению же с другими памятниками процент пропуска связки в Новгородской летописи не велик. Так в Слове связка опущена в 20 случаях из 23-х, что составляет 88%.

По подсчетам Кудрявского в Поучении Владимира Мономаха опущение связки составляет 56,3 %, в Путешествии Афанасия Никитина—76,4%, в Русской правде—79%, Катошихин О России в царствование Алексея Михайловича вообще не знает связки [1]).

Итак, опущение связки—это общее явление, наблюдаемое во всей древнерусской письменности XI—XIV в.в.

Так же, как и в Новгородской летописи, связка в этих памятниках всюду опущена в безличных оборотах, где ее падение не задерживала местоименная функция. Например, в Слове:
„чили въспети было" 66, в Мирном договоре в. Новгорода с Ганзой 1257 г.:
„ся учинило тяже межи новгородци" (Пам. ист. в. Новг., стр. 109). В Псковской первой летописи: „как пошло исперва по старине", стр. 201 [2]), „учинило пакости по городу" 206, „не было так" 209, „9 городней выдрало" 210, а по волостям еще мерло" 212, „а горело всю ночь" 215, также 216, 218 и др.

Вслед за безличными оборотами, связка исчезла в 3 л. един. и мн. числа. Например в Слове о полку Игореве все три случая связочного перфекта относятся ко 2 лицу единств. (проби еси, лелеял еси 73) и двойствен. числа (еста начала" 70).

В том, что связка, потеряв предикативность, задерживалась известное время при своем падении местоименной функцией, убеждают нас такие случаи ее употребления, когда она дважды ставилась при одном причастии, хотя рядом в безличном обороте ее нет:

„А что еси, княже, отъим у Кюрилы Котуниче, дал еси попу святаго Михаила, а городскым попом не пошло дани имать на Новгородьском погосте, въдаи опять". Догов. в Новг. с тверским князем [3]).

Сравни аналогичный же случай в Новгородск. летописи: „а что еси... у Новагорода отнял еси, а того бы еси, князь великий, ступился" 98_{31}.

Если бы связка не потеряла предикативность, то такого дублирования мы бы не встречали. С падением связки видоизменяется значение перфекта. Он переходит в разряд прошедших простых, употребляется в их значении, вытесняет их; другими словами, причастие на—л начинает употребляться как verbum finitum. Это разитие значения причастия хорошо отражено в договор

---

[1]) Д. Н. Кудрявский—К истории русского прошедш. времени, Русск. Фил. Вестн. за 1911 г., т. 65, стр. 125-127.

[2]) Первая псковская летопись, изд. Археологич. комиссии—„Полное собрание русских летописей" 1841 г., том III.

[3]) Памятн. истории, в Новгор., стр. 55.

Смоленска 1229 г. В нем место аориста всюду занято бессвязочным перфектом, т. е. причастием на—л, употребляемым как verbum finitum.

„Того лета, коли Албрахт влдка ризкии умърл, уздумал князе смольнескыи... прислал в Ригу"... (Срезневский—Древн. памятники), „аже тиун услышить латинескыи гость пришел", „не был сорома" и т. д. (там же).

В Псковской летописи случаи замены аориста бессвязочным перфектом также весьма многочисленны. В ней часто рядом с перфектом, занявшим место аориста, мы встречаем в одной и той же фразе и прошедшие простые, что отражает самый процесс вытеснения последних. Например:

„Псковское челобитье приняли и взяша мир" 208.

„А стоял великiи князь... а псковичи стояша в великом Новгороде" 217.

„и побиша псковичь 26 муж и хоромы пожгли" 233.

„и был в Пскове 7 недель" 211 (Ср. в Новгор. I-ой летописи: „и пребысть владыка в Москве 2 недели" 91_{8}.

„приеха посол из Юрьева" 226 (Архивн. список).

„приехал посол из Юрьева", 226 (Академическ. список Псковской летописи).

Наряду с аористом и вместо него выступает перфект и в Слове: „заря свет запалила, мгла поля покрыла, щекот славiи успе, говор галичь убудися" 67,

„далече залетело 67. Ср.: „О, далече зайде сокол" 68.

„Уже соколома крильца припешали погоных саблями, а самого опуташа в путы жалезны" 69.

Далее мы установили, что одновременно с переходом перфекта в область простых—последние начинают смешиваться между собой, терять свое значение. А это уже означает начало их исчезновения. Так потерей значения аориста об'ясняется следующие случаи „неграмотного" употребления его в Псковской летописи: „бысть хмель дорог во Пскове, гобницу купиша по полтине и по 10 денег" 231.

Безусловно, здесь нужен имперфект, ибо речь идет о действии кратном (покупали многие и не однажды). Новгородский летописец в таких случаях более грамотен: сообщения подобного же характера переданы у него всюду имперфектом: „купляху по 2 нагате хлеб" 19_{33}, также 5_{9}, 5_{8}, 15_{11}, 43_{12}, 47_{28} и т. д.

Отступления же от нормы у псковского летописца очень часты. Например, у него неуместен аорист и в следующей фразе: „бысть мор... в едину яму погребаша по 3 и болши., скуделници ископаша и тамо кладоша мертвыя, а мроша сице" 230. Сравни аналогичное сообщение в Новгородской летописи, где всюду имперфект: „едве успеваху живiи мертвых опрятовати, на всяк день умираху толко, яко не успеваху погребати их" 107_{11}.

В Псковской летописи часты не только смешения значения аориста и имперфекта, в ней также смешиваются и их окончания.

Например, аорист 3 л. множест. числа образуется с имперфекти ным окончанием 2-3 лица единств. числа—ШЕ: „а полону взяш (вм. взяша) 11 тысящь... а под Вороночем наметаша рать ме твых детей“ 197,
„Они же отвещаше (вм. отвещаша) тако“ 197,
„и атдаваше (вм. отдаваша) немцы псковскія иконы, что Желочке сожгоша церковь.... и товар псковскіи отдаваша“ 221.
„и ту его поимаше рукама жива“ 224 (в других списках всю поимаша),
„посадники... подаваше на старую церковь“ 238.

Такая контаминация форм аориста и имперфекта могла во никнуть лишь при потере значений этих категорий и, естественн разрушении их конструкций.

Как и новгородский, псковский летописец часто употребляе имперфект вместо аориста. Больше того, он вообще плох пользуется имперфектом, и если не учесть времени написани летописи и изменений в глагольной системе, то его можно упрек нуть в недостаточной грамотности. Например, имперфект употреб лен вместо аориста в след. случаях:
„а земци бережскыи даху Пскову 300 рублев“ 206,
„а княжения не взяху оба“ 206,
„прислаше князь Василей Васильевич своего посла“ 205,
„на осень приехаше князь литовскіи Иван, а прозвище ем Баба“ 210. (Сравни в других списках: „того же лета прибежа князь Иван Баба“ 210),
„и целоваше честныи крест ко Пскову“ 217 (сравни: „крест ц ловаша к великому князю“ 217).

Сплошь и рядом имперфект, употребленный неправильн образуется в 3 лице единств. числа от аористической основы; э образования напоминают аорист 3 лица множ. числа окончание имперфекта ШЕ (вм. ША):
„а Борис князь поехаше вон из Пскова“ 210,
„того же лета прислаше князь великои... наместника“ 221,
„и приехаше посадник Дорофеи“ 224,
„и даше руки нашему послу и печать свою привеси“ 225,
„и осташе на престоле жребіи Феофилов“ 236.

Случаев такого „безграмотного“ употребления имперфек в Псковской летописи очень много.

Вообще процесс распада системы отражен в ней всесторонн Здесь мы находим бесспорные доказательства потери значени имперфекта, в результате чего в памятнике преобладает русск форма давнопрошедшего, а древнейшее сочетание бях — л исчеза вместе с имперфектом. Затем, русская форма встречается всю без глагола настоящего времени: „разве были изымали“ 19 „что были положили“ 200 и т. д. Опущение глагола насто щего времени (Ср. „везл есмь был“ Новгор. I, 43,8) вызва падением предикативности связки, исчезавшей как из сочетан есмь—л (перфект), так и из „везл есмь был“ (давнопрошедше

В Псковской летописи бессвязочный перфект заменяет, кроме аориста и имперфекта, также и давнопрошедшее.

Например: „а сам король был в Полоцку одну неделю, а прежде того был за 20 год и за год" 234.

Русская правда также дает богатый материал для уяснения процесса унификации системы. В древнейшем списке ее (б. Синодальном 1282 г.) мы находим преимущественно бессвязочный перфект, заменивший остальные формы прошедшего времени: „что ей дал мужь, с тьмь же ей седети" 46, [1])
„кто многа реза имал, тому не имати" 50,
„и хоронил товар его" 40.

Аорист в Русской правде встречается всего несколько раз; почти везде его вытеснил перфект, причем, процесс этой замены еще происходил во время написания памятника. В этом нас убеждают следующие параллели: в следующей за подзаголовком строке аорист сменяется перфектом: „а се уставил Володимир Всеволодичь". Десятью строками ниже аорист появляется опять, хотя здесь он уже не согласован с подлежащим:
„и устави люди до третьяго реза" 42.

В других же списках Правды, позднейших во времени (Троицком, Пушкинском, Московском и друг.),—всюду бессвязочный перфект:
„уставили" (там же, 42).

Все эти многочисленные случаи неточного употребления прошедших простых в грамотах, Псковской летописи, в Русской правде и других собственно русских памятниках подтверждают нашу гипотезу о сущности распада системы форм прошедшего времени, начавшегося с падения связки и, следовательно, перехода перфекта в разряд простых. В Русской правде процесс падения связки выражен вполне, ее опущение составляет 79% к общему числу случаев употребления перфекта. В ней связка сохранена, как и в Слове, только в формах 2 лица единств. числа: „еси у мене положил" 40, „помиловал еси, оже еси не ставил послухов" 41 и т. п. В Правде нет имперфекта, а поэтому в ней не встречаются давнопрошедшее бях—л.

Это сочетание исчезло одновременно с имперфектом. Писец Русской правды знает только русскую форму давнопрошедшего, но и в ней всюду отсутствует глагол настоящего времени (-связка):
„то Ярослав был уставил" 52 (вместо ожидаемого—„был уставил есть").

Ознакомившись с состоянием форм прошедшего времени в летописях, договорах и грамотах, обратимся к древнерусским памятникам другого жанра: поучениям, словам, житиям, по тематике и языку ближе стоящим к литургической письменности, однако имеющим русское происхождение. Их показания также не

[1]) „Русская правда по древнейшему списку", Карский А. Н. 1930 г.

безынтересны, и они в немногом отклоняются от тех, что мы рассматривали выше.

Например, в „Слове Кирилла Туровского" (XIII в.) аорист и имперфект еще употребляются, но они постоянно чередуются с бессвязочным перфектом, выступающим в их значении: „его же днесь сам бог въспомянул и призрел и помиловал, его же и врачеве небрегома сътвориша, его же презряху въметающеи в купель" 81 [1]). Потеря предикативности связки не всегда сопровождалась ее исчезновением, в ряде случаев задерживаемым местоименной функцией ее. В данном памятнике связка местами сохранена, но не как предикат, ибо о потере ее предикативности можно судить по безразличному употреблению связочного перфекта, чередующегося с аористом. Например: „зима... престала есть, лед же растаяся" (там же 81). Этот случай встречается только в начале Слова, далее же всюду перфект без связки.

Владимир Мономах в своем „Поучении" ведет рассказ посредством 1-го лица аориста: ездих, пущах, въ метах и т. д., но очень часто переходит на перфект: один ногама топътал, а другый рогама бол вепрьми на бедре мечь отътял, медведь ми у колена подклада укусил, лютый зверь скочил мне на берты" (там же 78).

Как и у Туровского, различие между перфектом со связкой (составляющим по подсчетам Кудрявского 54% всех форм перфекта) и аористом уже не везде ощущается. Например: „сътижды ездих ко отцю, дьнемь есмь переездил до вечерьне" (там же, 77). Затем, перфект с сохранявшейся уже традиционно связкой в ряде случаев чередуются с бессвязочным перфектом: „сам творил что было надобе... то я творил есмь" 78.

Имперфект у Туровского нигде не встречается, он всюду заменен перфектом. Такое же состояние форм прошедшего времени, отражающее процесс падения их значений, мы находим и в „Житии Антония Римлянина", хотя язык этого памятника намеренно архаизирован. В нем реставрированы формы имперфекта, причем очень неудачно. Они употребляются вместо аориста и не согласуются с подлежащим. Например: „Они же мнѣ даяше рыбы" (там же, 147). Аорист в „Житии" сплошь и рядом употребляется вместо имперфекта: „рыболовци ловитву деюще и об всю нощь тружавшеся и от труда изнемогаша" 146, „лiяша слитки сребряные, ово в гривну, ово в полтину, ово в рубль и теми куплю деяху" 146 и т. п.

Итак, все рассмотренные нами памятники в той или другой степени отражают распад системы форм. Всюду обнаруживается одна и та же последовательность: опускается связка, перфект переходит в область простых, обозначает, как аорист и имперфект, самый процесс действия, вытесняя последние из употребления.

---

[1]) Слово Кирилла Туровского цитирую по Буслаеву.

С падением предикативности связки и исчезновением категории имперфекта соответствующим образом реконструируется форма давнопрошедшего: сочетание бях—л исчезает совсем, а сочетание жил был есмь (русск. форма) сокращается в жил был. Позднее и это сочетание заменяется простым перфектом.

Следовательно, сформулированный нами процесс распада типичен для всей древнерусской письменности, он был пережит всеми разновидностями ее.

Сущность этого распада заключается в том, что на смену четырем формам прошедш. времени пришел видоизмененный перфект, т. е. причастие прошедшего времени на—л, выступающее в значении verbum finitum'a с тех пор, как была потеряна связка, а вместе с ней и специальное значение перфекта. Следовательно, термин „бессвязочный перфект" надо понимать таким образом, что это уже не перфект в прежнем его значении, а причастие на—л, выступающее как живая глагольная категория в значении личного глагола прошедшего времени, равного по предикативности глаголам настоящего и будущего времени.

Распад системы есть в то же время и унификация ее, ибо потеря форм означает собой упрощение системы, наряду с которым более прозрачные средства грамматики новой (упрощенной) системы устраняют (заменяют) черты старой системы.

Перейдем теперь к вопросу о хронологии исчезновения связки и форм прошедшего времени.

Прежде чем определять время, в которое начался и закончился процесс унификации системы, необходимо заметить, что нельзя установить общую и единую дату начала и конца этого процесса, т. к. он проходил не везде одновременно и в зависимости от характера письменности. Кроме того, письменная речь вообще консервативна, в ней унификация системы началась и закончилась гораздо позднее, нежели в разговорной.

О том, когда происходила и закончилась унификация системы форм прошедш. времени в живой разговорной речи, мы можем судить лишь по скудным указаниям на нее. Сюда относятся пословицы, народные выражения, проникавшие в летописи, договоры, челобитные, затем, народный эпос—старинные песни, былины, сказания, записанные, однако, уже в наше время и по этому малоценные для понимания процесса унификации глагольной системы в древнерусском языке.

Судя по многочисленным ссылкам летописца на разговоры в народе („глаголяху"), он пополнял свои сведения из рассказов его современников и при записи этих сообщений не всегда препарировал их, т. е. обрабатывал эти выражения. В Новгородской летописи они встречаются довольно часто. Мы берем лишь некоторые из них, интересные для изучающего глагольную систему. В этих выражениях, как правило, употребляется исключительно бессвязочный перфект: „обнаживъше, яко мати родила, и съвергоша й с моста" 9,8,

„хощу с вами видитися, лаял ми посадник вашь..., назвал мя псом“ 83,23,
„а еще ваши люди нам лаяли, нас безчествовали и срамотиле и нас погаными звале“ 105,15,
„и бояр многих били и полупили“ 87,8 и др.

Приведем еще часто повторяющееся не только в Новгородской, но и в Псковской летописях выражение об отцах и дедах:
„страдали деди наши и отци за Русьскую землю“ 32,30,
„бысть побоище, яко не видали ни отци, ни деди“ 60,4.

Интересны также всюду встречающиеся выражения о целовании креста или принятии челобития:
„а князь... челобитие пріял“ 96,33,
„изменили крестное целование к Новугороду, посадили себе князя“ 75,37,
„а ты целовал крест Новугороду 79,23,
„и все, еже заседел, исправи“ 31,15,
„а мост великый огонь заял“ 66,26 и т. д.

Судя только по этим примерам, можно заключить, что во время Новгородской летописи в разговорной речи связка была уже потеряна. Это тем более реально, что потеря связки засвидетельствована еще в половине XI-го века. В надписи на Тмутораканском камне связка уже опущена: „Князь Глеб мерил море по леду“. Затем, в древнейших Новгородских грамотах XII века, отражавших полнее, чем другие письменные памятники, особенности живой речи, связка опускается почти во всех случаях (См. многочисленные примеры, приведенные в начале главы).

В псковской „Грамоте в. князя Александра“ XIII века всюду бессвязочный перфект:
„стояли Лычко и Иван, выложили жердью грамоту“ (Пам. истории в Новгор. и Пскова, 143).

Если в письменных памятниках XII-XIII в. в. связка в большинстве случаев опускается, то из этого следует, что падение ее в живой разговорной речи произошло значительно раньше, т. к. в ней все изменения проходят гораздо интенсивнее, а уже потом проникают в письменную речь. Это положение вполне распространило на древнейший период развития русской письменности, т. к. все договоры, грамоты, летописи писались весьма ограниченным кругом книжников, отчуждавших книжную речь от народной, хранивших и передававших из рода в род традиции и приемы письма. Например, один и тот же писец писал: 1) Грамоту Опольского князя Влодислава 1378 года—„а писал княжии писарь Костько Болестрашицкий“ [1]) и 2) Договор Хоньки Васковой и Ивана Губки о продаже монастыря Каленикова 1378 г.—„а писал грамоту Костько дьяк Болестрашицкий“ (там же, № 24).

Когда же вообще была опущена связка перфекта в разговорной речи?

---

1) А. И. Срезневский—„Палеографич. снимки“, № 39.

Учитывая весьма распространенное опущение ее в древнейших грамотах, а также полное отсутствие в народных выражениях, засвидетельствованных Новгородской летописью (иногда даже в самом начале ее: „яко мати родила“—в записи за 1141 г., стр. 9), мы можем предполагать, что *уже в XI веке связка в разговорной речи не употреблялась*. С падением предикативности связки вся система форм прошедшего времени в живой речи видоизменилась гораздо раньше, нежели в книжной.

Происходил ли в живой речи *такой же* процесс унификации системы, какой мы сформулировали по материалам книжного языка? На основании имеющихся у нас, правда, довольно немногочисленных данных, характеризующих живую речь того времени, мы можем ответить на этот вопрос утвердительно. К этим данным относятся многочисленные примеры передачи в летописях *чужой речи*. Мы отдаем себе отчет в том, что эта речь обработана писцом, является в известной степени препарацией книжника. Однако показания этих примеров общи, повторяются в массе случаев, и обработка летописца коснулась лишь некоторых из них, о чем будем говорить ниже.

Интересная деталь: летописец, прекрасно владеющий всей системой форм прошедшего времени, передает *предикат чужой речи исключительно перфектом*. Судя по тому, как представлена чужая речь в летописях, можно с уверенностью сказать, что процесс унификации системы форм прошедшего времени проходил в разговорной речи так же, как и в письменной. Там тоже сначала была потеряна связка, а вместе с ней исчезли формы прошедших простых, замененные бессвязочным перфектом. В летописи в чужой речи мы еще находим и связочный перфект, но он чередуется уже с бессвязочным и, следовательно, собственное его значение уже потеряно. Итак, приведем примеры чужой речи в Новгородской летописи:

„а зла до вас *есмь не мыслил*.. а тех ми выдаите, кто мя *обадил* к вам“ $43,_{20}$,

„а я *поил есмь* конь Тохверью, а еще Волховом напою“ $41,_{21}$,

„аз *ял* ворога вашего Исаковиця“ $27,_{26}$,

„рекоша фрягом: *умьрл есть*“ $28,_{2}$,

„нашю землю днесь *отъяли*“ $40,_{12}$,

„а мы вас *не заяли*“ $40,_{15}$,

„а повествуеть тако: *благословил* мя патріарх“ $91,_{5}$,

„так река: „брата моя осте 2 князя *повесили* вы“ $32,_{18}$,

„и рече: не *мыслил есмь* до пльсковичь груба“ $43,_{8}$ также $7,_{16}$, $10,_{33}$, $21,_{27}$, $28,_{5}$, $30,_{12}$, $31,_{10}$, $31,_{15}$, $32,_{30}$, $43,_{31}$, $41,_{31}$, $43,_{19}$, $43,_{23}$, $44,_{4}$, $44,_{21}$, $25,_{20}$, $46,_{10}$, $48,_{15}$, $51,_{37}$, $54,_{7}$, $55,_{4}$, $55,_{38}$, $60,_{10}$, $60,_{28}$, $62,_{1}$, $62,_{8}$, $63,_{5}$, $71,_{36}$, $79,_{23}$, $80,_{25}$, $82,_{8}$, $83,_{38}$, $88,_{31}$, $91,_{38}$, $96,_{24}$, $97,_{35}$, $98,_{18}$ $98,_{24}$, $100,_{16}$, $101,_{2}$, $105,_{6}$, $105,_{10}$, $105,_{14}$, $111,_{4}$ и т. д.

Имперфект в качестве предиката прямой речи совсем не зарегистрирован в летописи, а аорист встречается в 3—4-х случаях, но все они не типичны для прямой речи. Об этом можно судить

по тому, что аорист встречается в речи молящегося церковника, где переведена традиционная формула молитвы:

„и помолися глаголя: господи... винограда съверши, иже насади десница твоя“ $24_{,14}$.

Затем, аорист приведен вместе с цитатой из евангелия: „яко же аз взлюбих вы Иоанн“ $73_{,31}$. Но если в безупречности передачи речи церковников упрекнуть летописца нельзя, то этого нельзя не сделать относительно передачи речи татарских послов, где, вопреки обычаю, он употребил аорист. Послы говорят:

„а мы вашеи земли не заяхом, ни город ваших, ни сел ваших, ни на вас придохом, но придохом богом пущени“ $40_{,9}$, хотя рядом: „а мы вас не заяли, да в сем бог“ $40_{,15}$.

Еще один раз аорист встречается в речи татарских послов, где он чередуется с перфектом:

„и посла к нему послове с последнею речію: оже еси пришел с нами битися, а нашего беглаго царя не выдал еси, а мы твоеа земли не заяхом, ни городов, ни сел“ $101_{,2}$.

Здесь, как легко догадаться по написанию твоеа, на письме летописца сказалось второе южно-славянское влияние, об'ясняющее употребление аориста, несвойственного прямой речи, т. е. живой разговорной речи, в данном случае XIV века.

Итак, в Новгородской летописи предикат прямой речи, как правило, выражен одним лишь перфектом. Это не случайность. То же самое наблюдается и в Псковской летописи:

„послове... помочи прошати: братья наши новгородци нас повергли“ 187 стр. [1]),

„ркучи ему тако: тобе было, княже, сидети во Пскове“ 191,

„отвещали тако:... как пошло исперва по старине“ 201,

„к вам, князь местер, наш государь прислал“ 225,

„рече на вече:... бог жаловал... с немци управу взял“ 226,

„и ркучи так:... и по воде рыбы ловили, а тем кормили князя великого силу, занеже есте на немець нам не помогали“ 229,

„а нас прислал к вам с князем Ярославом“ 251 и т. п.

Здесь, как и в Новгородской, аорист встречается в речи церковников:

„мученику Бориса и Глеба земля Рускія, не я почах избивати“ 185.

Наконец, в Лаврентьевской летописи, хотя и в меньшей мере, но также предикат прямой речи выражается перфектом. Данные эти тем более ценны, что они датированы X-XI-м веками, хотя списки сделаны, конечно, позднее. Например, в записи за 955 год:

„и рече еи царь: переклюкала мя еси, Олга“ (Средний текст летописи Нестора, стр. 286 [2]),

Ср. еще: „и рече: аз есмь мужь его и пришол есмь в сторожех“ 288 (запись за 968 г.),

---

[1]) Псковская первая летопись. Изд. 1841 г.

[2]) Полное собрание русск. летописи, изд. Арх. ком., том VII, 1856 г.

„Они же реша: что суть дали?“ 266,
„глаголеть: ядыи хлеб мои возвеличил есть на мя лесть“ 293 и т. д.

Однако, если в Новгородской и Псковской летописях чужая речь всюду передана перфектом, то этого нет в данной летописи, более древнейшей. В ней предикат прямой речи передается преимущественно аористом:

„и рече им Олга: да глаголете, что ради приiидоста семо, деревляне же реста: посла ны деревьская земля,... а ркуче сице: мужа твоего убихом“ 283, и так почти всюду.

Обобщая данные рассмотренных памятников, можно заключить, что во время, отраженное летописными сборниками (X-XIVв), в разговорной речи im Masse аориста и имперфекта уже не было, в ней преобладал перфект, вытеснивший на памяти истории прошедшие простые. Об этом можно судить на основании сопоставления приемов передачи чужой речи в летописи Лаврентьевской, более древнейший, где еще все формы употребительны (хотя доверять целиком этому памятнику нельзя, так как в нем язык намеренно архаизирован усилиями киевских книжников), и в летописях Новгородской, Псковской, позднейших, где возобладал уже перфект.

Конечно, было бы рискованно сделать такой вывод на основании только приемов передачи чужой речи в летописях. Но показатели последних координируются, целиком совпадают с приемами передачи предиката в народных выражениях, а также в древнерусских грамотах, купчих, договорах, где разговорная речь выражалась, в силу специфической тематики и обстоятельств их написания, наиболее полно. В них прошедшие простые встречаются крайне редко, и если они там сохранились, то своим существованием они обязаны отнюдь не разговорной речи, а книжной.

Кроме того, в древнерусских песнях, правда, записанных позднее, например, в 1619 г. для Ричарда Джемса, встречается исключительно бессвязочный перфект. Связка встречается только в формулах обращения, и об ее предикативности речи быть не может („а еси, государь наш, крымской царь, а тобе, государь, у нас сидеть в Москве“ 13, [1])

„Ино еси, собака, Крымской царь“ 14, „побежал еси, собака“ 15 и т. д.)

Хотя это и позднейшее свидетельство глагольной системы разговорного древнерусского языка, однако и оно в известной степени ценно и показательно.

Обратимся теперь к письменной речи. В ней унификация системы форм прошедшего времени проходила позднее, чем в разговорной, и не всегда и везде одновременно. Позднее потому, что письменная речь вообще консервативна, что в ней культивировались церковно-книжные традиции. Не одновременно же в силу того, что сама письменность неоднородна и каждый вид ее дает

[1]) П. Симони-„Песни, записанные для Р. Джемса в 1619-20 г.“ Изд. 1907 г

свои показатели времени упрощения системы. Так в летописях относительно хорошо сохранена вся система форм прошедшего времени, а в современных им памятниках юридического быта (договоры, грамоты, челобитные) этого уже нет; в памятниках же церковной письменности (евангелия, псалтыри, минеи) иногда даже трудно обнаружить следы этой унификации. Отмечая, что формы аориста в течение долгого времени сохранялись в памятниках литургических, проф. К. Т. Немчинов говорит: „Наиболее хорошо сохранялись архаические формы в тех памятниках, которые намеренно берут архаизаторское равнение на старославянский язык. С другой стороны, архаичные формы хорошо сохранялись на периферии, более или менее изолированной, не пережившей интенсивных процессов смешения целого ряда племенных единиц“ [1]).

Это замечание о зависимости процесса упрощения глагольной системы от архаизаторских намерений книжников, а также от взаимодействия языков в центре и на окраине страны—очень существенно для всестороннего понимания характера унификации системы. Обратимся к нашим памятникам. Как, например, об'яснить разные показатели двух памятников деловой речи, написанных в одном и том же году, от одного лица, но сильно отличающихся друг от друга по употреблению форм прошедшего времени.

Так в Купчей Антония Римлянина 1147 г. всюду перфект: купил есми, дал есми, впал, впала. (Памятн. ист. в Новгорода, 48), а в духовной 1147 г. того же Антония Римлянина—преимущественно аорист: изыдох, не прияx, не дах, седох и т. п. (там же, 48-49). Безусловно, во втором случае произошла намеренная архаизация языка, вызванная своеобразием тематики этой грамоты. Сравним еще две уставных грамоты новгородского князя Всеволода Мстиславича. Одна из них о правах и привилегиях ивановского купечества—1134-1135 г. г. имеет только перфект (там же, 43), а в его же уставе „о церковных судех“ преобладают формы аориста, употребленного 12 раз (тогда как перфект только 4): взяшя, устроишя, изъобретохом, дах, повелехом, дръжах и т. п. (там же, 46).

Благодаря такой архаизации языка, упрощение системы форм прошедшего времени в книжной речи проходило очень медленно, сопровождалось многочисленными рецидивами. Следовательно, при определении времени перехода перфекта в область прошедших простых (т. е. начала употребления причастия на—л в значении verbum finitum'а), а также исчезновения имперфекта, аориста и давнопрошедшего в языке книжном необходимо учитывать не только место написания памятника и жанр (вид) его, но также само содержание, тематику памятника и суб'ективные намерения писавших его.

Последнее особо важно при анализе глагольной системы памятников конца XIV—начала XV века, т. к. в это время, время

---

[1]) К. Т. Немчинов-Лекции по истории русск. языка для аспирантов МГПИ, 1935 г.

второго южно-славянск. влияния, искусственная архаизация речи достигла наибольших размеров. По свидетельству Соболевского [1]) в это время письменная речь усилиями Киприана и его последователей старательно очищается от руссизмов В ней востанавливается архаичная орфография. Нельзя сказать, что их деятельность не отразилась на ходе процесса унификации системы форм, хотя это было влияние книжное, бессильное вообще приостановить процесс развития глагольной системы, в частности в живом разговорном языке того времени. В письменной речи это влияние заметно сказалось. Мы уже отмечали, что новгородский летописец, поддавшись этому влиянию, вопреки обычаю, передает чужую речь аористом („земли не заяхом" 101,3—запись за 1399 год. Киприан же начал исправление книг в 1387 г.).

Затем, вместо обычных бяше 13,36, хожаше 26,18 он в записях конца XIV века пишет беаше 81,1, хождааше 100,21.

Рецидивом, вызванным намеренной архаизацией речи, можно считать также появление аориста в Новгородской грамоте конца XIV века: покончаша, пожалаваша („Ободная грамота Славянского конца в Новгороде", Памятн. ист. в. Новгорода, 67), в более же древних грамотах—всюду перфект.

Интересная деталь: в современных Новгородской летописи грамотах и актах Рязанского края, далее отстоящего от центра и, следовательно, менее подвергавшегося архаизирующему влиянию киприановцев,—аорист совсем не встречается (не реставрируется), не говоря уже об имперфекте.

См. Жалован. грамоту в. князя Рязанского Федора Олеговича 1402 года, Жалованную грамоту Ивана Федоровича 1409 года, Купчую запись 1463.., Дарственную жены Прокопия Давыдовича 1483 г. и другие рязанские памятники начала 15 века в сборнике „Древние грамоты и акты Рязанского края" Пискарева, стр. 1-28, изд. 1854 года.

Таковы обстоятельства, влиявшие на развитие и упрощение глагольной системы и отразившиеся в памятниках.

Теперь мы попытаемся обобщить рассмотренные нами показатели источников и на основании их установить хронологию исчезновения форм.

Когда была опущена связка и причастие на—л стало употребляться как verbum finitum?

В разговорной речи потерю предикативности связки и переход перфекта в разряд простых можно датировать XI-м веком. В книжной же речи падение связки распространилось в своей массе примерно с XII века. Но если в разговорной речи процесс падения ее закончился быстро, то в книжной он проходил довольно медленно и закончился не позднее XIV века. Об этом свидетельствуют массовые опущения связки в памятн. XIII-XIV в. (см. приведенные выше цифровые данные).

1) А. И. Соболевский, Переводная лит-ра Моск. Русск. 14-17 в. в. изд. 1903 г.

В отдельных случаях связка сохранялась очень долго, но уже не как предикат. Так в юридических формулах, начальных строках дарственных, жалованных грамот связка употребляется до XVII века включительно. Например: „се аз, царь и великiи князь Алексеи Михаиловичь, всеа Русiи самодержец, пожаловали есмя боярина нашего Михаила", Грамота Алексея Михаилов. 1646 г. [1]).Ср. еще: „пожаловал есми", Грамота 1642 г. (там же, 139), „пожаловал есьми", Грамот. 1687 года (там же, 140) и т. п.

Только ко времени Петра I связка окончательно исчезает из этих юридических формул. В петровских указах всюду бессвязочный перфект:

„указал для размножения к Санктпетербургскому порту купечества". Указы Петра, стр. 249 [2]).

Употребление связки в начальных формулах (обычно далее в тексте ее нет) грамот не показательно для определения времени ее падения, т. к. здесь она уже употреблена в силу традиции, а не как предикат.

Потеря значения прошедших простых происходила одновременно с падением связки и, следовательно, изменением значения перфекта.

Установим приближенно время потери имперфекта.

В разговорной речи, насколько позволяют судить об этом данные, имперфект исчез уже в XI веке. Во всех многочисленных случаях передачи прямой речи летописцами имперфект не встречается ни одного раза. Ограниченный сферой употребления, он вообще исчезал быстрее аориста. Между прочим, Ягич полагает, что „в первое время русской письменности имперфект еще существовал и в народном употреблении, только формы его были, конечно, терпимы, нисколько же не принадлежали к любимым средствам народного выражения. Мне кажется, что положение имперфекта в древне-русском языке было несколько похоже на состояние нынешнего сербского языка, в котором имперфект уже совсем вымирает, но в литературном языке он употребляется еще довольно часто, и это употребление вовсе не обусловлено знакомством писателей с церковным языком, а вытекает из живого чутья. Точно так, должно быть и в древнерусском языке: формы имперфекта уже охотно обходились, но если иногда и писали их, то не потому только, что выучивались им из церковных книг, а потому, что черпали из не пересохшего еще родника живой речи [3]).

В памятниках литургических и летописях имперфект сохраняется до XIV века преимущественно потому, что эти памятники часто копируются с древнейших оригиналов. О том, что значение имперфекта плохо ощущалось летописцами, можно судить по многочисленным случаям безграмотного употребления его в Новгородской и особенно Псковской летописях.

---

[1]) Акты юридич. быта древн. России. Изд. Арх. ком. 1857 г., стр. 152

[2]) Копии с указов Петра I. Изд. Акад. Наук, 1738 года.

[3]) „Критические заметки по истории русск. яз.," стр. 132.

В грамотах имперфект перестал употребляться очень рано. Просмотрев большое количество новгородских, двинских, рязанских грамот, мы обнаружили всего только два случая употребления в них имперфекта. Первый в Уставе Новгородского князя Святослава Ольговича о доходах новгородской епископии 1137 г.: „нужа же бяше пискупу" (Памятн. истор. в. Новг., 47), второй—в Договорной грамоте в. Новгорода с тверским князем Михаилом Ярославичем 1317 года: „а на сем повелеше весь Новъгород Юрью и Якиму мир взяти" (там же, 61). Но оба эти случая не основательны для того, чтобы делать какое-либо заключение об употреблении в древнерусских грамотах имперфекта. Дело в том, что показаниям формы бяше вообще доверять нельзя, т. к. она, как мы видели в Новгородской летописи, постоянно смешивается по значению с аористом бысть, в Грамоте же 1317 г. имперфект повелеше, во-первых, неправильно образован (от аористич. основы), во-вторых, употреблен вместо 3-го лица множест. числа аориста повелеша. Так что у нас есть все основания не доверять этим случаям употребления имперфекта в грамотах и утверждать, что в последних уже в XI-м веке имперфект не употреблялся.

Следовательно, здесь мы констатируем конечный момент процесса исчезновения имперфекта. Когда же он начался—сказать трудно, т. к. у нас нет для этого оснований. В языке летописца имперфект исчезает с записей за вторую половину XIII века.

Аорист, с его значительно развитыми функциями употребления, был более жизнеспособной глагольной категорией. Он держался в книжной речи дольше имперфекта. Начало его падения можно датировать XII-м веком, когда вместо его в письменности начал распространяться перфект. Вышел же он из употребления в разные сроки, в зависимости от жанра письменности, ее тематики. Так в летописях уже хорошо выражена замена его перфектом.

Это значит, что в XIV веке аорист выходит из речи книжников и вскоре после него он перестает быть понятным даже грамотным людям.

Когда исчез аорист в грамотах?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует вспомнить, что грамоты неоднородны по своему содержанию и принадлежности. Мы уже отмечали, что в грамотах церковников даже конца XIV века нередки формы аориста. Поэтому для них дата исчезновения аориста будет такой же, что и вообще для литургических памятников и летописей, т. е. конец XIV века.

В грамотах же юридических и купчих формы аориста не многочисленны, они всюду заменяются перфектом. Например, в Договоре Смоленска 1229 года, также и в Псковской судной грамоте 1397 года, где место аориста везде занято перфектом, а аорист встречается всего один раз („а который котечник заложи весну или исполовник у государя, ино ему заплатить", Памятники истории в. Новгор. и Пскова, 152).

„Место аориста в грамотах и Русской правде,—пишет Соболевкий,—обыкновенно бывает занято формами прошедшего сложного. Если возьмем Мстиславу грамоту 1130 года, мы в ней не найдем ни одной формы аориста, но встретим на месте аориста четыре раза формы прошедшего сложного: повелел есмь, аз дал, дал есмь, велел есмь" (Лекции, 164).

Итак, начало исчезновения форм аориста в грамотах можно датировать XI-м веком, а окончательный выход их из употребления XIV-м, т. к. уже ни в рязанских, ни в двинских[1]) грамотах XV-го века аорист не встречается.

Был ли аорист в разговорной речи XI-XIV веков? Судя по тому, что предикат чужой речи передается новгородским и псковским летописцами исключительно перфектом, можно предполагать, что к XII-XIII векам он уже не употреблялся в живой речи, не принадлежал к излюбленным средствам народного выражения.

Однако в это время он еще не исчез окончательно и иногда встречался в разговорной речи, но уже не как общеупотребительная глагольная категория, а как пережиток, сохранившийся преимущественно во фразеологических конструкциях.

Так например, по свидетельству Нестора, в его время была весьма распространена поговорка („притча")—„погибоша аки обри".

Он пишет:

„Быша бо обре телом велици и умом горди и бог потреби а и помроша вси, не остася ни един обърин; и есть притча в Руси и до сего дни: погибоша аки обри, их же несть ни племяни ни наследника" (Лавр. лет., 264)

Следовательно, аорист, исчезая, продолжительное время сохранялся в народной фразеологии. Эти выражения регистрировались летописцем.

Свительством в пользу того, что аорист и другие формы прошедшего времени были некогда живыми глагольными категориями, а не мертвыми, привнесенными церковно славянской письменностью и искусственно насаждаемыми, служат показания древнейших польских памятников, не копировавшихся с ц.-сл. оригиналов. В них формы прошедш. времени также распространены Следовательно, в древне-польском языке тоже употреблялся аорист и исчез к XIV-XV векам.

Итак, в русском языке в разговорной речи аорист исчез рано, вскоре после падения связки перфекта, т.-е. в конце XI, начале XII века. О времени исчезновения форм давнопрошедшего можно заметить, что сочетание бях—л перестало употребляться одновременно с потерей предикативности связки и, следовательно, значения сочетанием есмь—л, а также и исчезновением категории имперфекта. В грамотах эта форма давнопрошедшего совсем не

---

[1]) См. „Исследование о Двинских грамотах XV в." А. А. Шахматова, 1093, стр. 118.

встречается. Ее употребляли лишь знатоки церковно-книжного языка: писцы богослужебных книг и летописей.

Русская же форма давнопрошедшего, потеряв во время падения связки глагол настоящего времени, употреблялась в сокращенном виде довольно долго во всех памятниках деловой письменности. Так, кроме Новгородской и особенно Псковской летописи (где она преобладает), мы встречаем эту форму и в Русской правде: „то Ярослав былъ уставилъ“ (Р. П., стр. 52). также в Договорной грамоте в. Новгорода 1465 г.: „а что твоя брат отъял был пожне у Новагорода, а того ти, княже, отступитися“ (П. в. Н. и П., 34).

У нас нет материала, чтобы установить дату исчезновения этой формы. Заметим однако, что она держалась дольше всех других потому, что элементы, ее составляющие (т. е. причастия на—л) были живыми категориями, сохранившимися до наших дней. Ср. например, живую категорию „давноминулого часу“ в украинской народной речи.

Резюмируя попытки установить хронологию исчезновения форм, заметим, что процесс упрощения глагольной системы начался и закончился на памяти истории. Время, в которое происходило это упрощение, можно, отвлекаясь от частностей, датировать XI-XIV в. В XV-м веке сохранились еще следы этих изменений, произошедших в центре страны быстрее и все еще продолжавшихся на окраинах.

О том, что уже к XV веку процесс унификации системы был завершен, что формы аориста и имперфекта перестали быть понятными даже грамотным людям того времени, можно судить по тому, как перепутаны все формы прошедшего времени и их значения в „Задонщине“.

В списке 1470-года [1]) наряду с безразличным употреблением аориста и перфекта („то ти не орли слетошася, съехалися все князи русскыя“ 28,

„то ти были не серіе волци, придоша поганые татарове“ 26) и нарушением согласования аориста („выступи кровавыя оболока“ 28), мы находим абсолютно безграмотное употребление имперфекта:

„бяше сторожевыя полкы на шите рожены“ 24,

„тогда же гуси гоготаше и лебеди крилы въсплескаша“,

Известно, что „Задонщина“ копировалась со „Слова“, и этим об'ясняется реставрация в ней уже вышедших из языка форм прошедшего времени. Памятник этот интересен в том отношении, что уже после исчезновения форм последние неоднократно реставрировались по тем или иным мотивам, причем не всегда удачно.

По употреблению форм прошедшего вермени „Задонщина“ имеет много общего с памятником переводной литературы „Девгениевым деянием“, восходящим по мнению Пыпина и Сперан-

---

[1]) „Памятники старинного русского языка и словесности“ П. Симони. Вып. II, Задонщина, 1922г.

ского к XIII-му веку, но сохранившимся лишь в списке XVIII века. Этот памятник также знаменателен тем, что в нем употреблялись формы, уже не понимаемые в необходимой степени писцом.

В „Д. деянии" царит полнейший хаос в употреблении аориста и имперфекта. Аорист в нем сплошь и рядом не согласуется с подлежащим в лице и числе:

„отвещаша юноша" 136, [1])

„и вси предстоящи почюдишася такои дерзости и нача хвалу богу воздати" 137,

„И радостно пребываша паче всех Девгеніева мати" 137,

„сарациняне же ради бысть отпущению их" 151,

„и она же им даша много златиц и даша им три кони" 157,

„царица Амира... видеша сон и ужасно бысть суть (? !) и поведаша братьям своим" 157,

„Влетеша в полати мою златокрылыи сокол" 157,

„а крестища его патриарх" 158,

„ездиша прекрасныи Девгении на всякіи зверь" 165,

„Девгении.. ездиша.. и приехаша в стан" 165,

Стратиговна начаша вопрошать" 165 и т. д. и т. п.

Формы же имперфекта, кажется, не имеют ни одного случая правильного употребления:

„и обие звер лют выиде.. и узреста юношу и часто гляяху" 136,

„(он) Стаpатига зовяху и поведа ему" 140,

„сарациняне не глаголаша ему ничего" 155,

„и ризы с него совлекоша, исподни ж быша хладари, а верхни бяху черны" 137 и т. д.

Итак, „Девгениево деяние" показательно в том отношении, что в нем переписчик оперировал уже мертвыми грамматическими категориями, употребляемыми им в большинстве случаев неудачно.

После XIV-го века эти (уже книжные) формы прошедшего времени реставрировались неоднократно. Так, например, в XVI веке можно отметить, как рецедив уже вышедших из языка форм, архаичные по стилю и языковым средствам письма Ивана Грозного Курбскому. В них интересна смесь богословских цитат и бранных изречений, вызвавшая справедливые упреки со стороны Курбского. Язык послания намеренно архаизирован, в письме—всюду формы аориста, даже встречаются имперфект („смотренія божія слова всюду исполняшеся"), перфект преимущественно со связкой. Примеры подобного пользования древними формами прошедшего времени для искусственного повышения стиля, удававшегося лишь знатокам церковно-книжной речи, мы можем найти даже в XVIII-м веке. Например, современник Петра I, Стефан Яворский в своем „Слове о победе под Полтавою в 1709 году" для выражения прошедшего времени пользуется исключительно аористом, не

---

1) „Девгенево деяние," М. Сперанский, 1922 г.

отступая в употреблении его от норм древне-славянских и древне-русских:

„уже бо лютая зима преиде, скорбное преста безведріе, буря свирепых ветров непріятельских утолися, облак темный и громогласный разгнася, стужа жестокая, печали в воздыханія мимо идоша“ (Историко-лит. хрестоматия Галахова, стр. 36).

Но все эти рецидивы, вызванные соответствующими мотивами, не могли в какой-либо степени возродить употребление исчезнувших еще в XIV веке форм прошедшего времени в живом народном языке, а также и в литературном. Они так же беспомощны это сделать, как беспомощен аорист в речи Кутейкина („взалках“) или просвирни из „Растеряевой улицы“ Успенского („атрекохсь“). Реставрация исчезнувших форм производилась не только в художественной литературе, где они использовались во многих случаях как живописный материал, но и в грамматиках.

Так например, грамматика М. Смотрицкого (1619 г., изд. в Москве—1648 г.) усиленно восстанавливает в XVII веке употребление форм прошедшего времени преимущественно в высоких стилях ц.-славянск. языка. В ней по свидетельству Булича, хотя и признается падение специальных аористического и имперфективного оттенков, однако, морфологическая структура прошедших времен дается в соответствии с парадигмами аориста и имперфекта [1]. Интересная деталь: на протяжении всего рассматриваемого нами периода реставрации подвергались преимущественно формы аориста реже имперфекта. Что касается давнопрошедшего, то сочетание бых—л совсем не восстанавливается, а русская форма „ходил был“ в памятниках высокого стиля не реставрировалась, но сохранилась в фольклоре и до наших дней. Вообще же формы давнопрошедшего не раставрировались потому, что за давностью были потеряны (затемнены) нормы их употребления и причастие на—л, употреблявшееся уже в течение многих лет как verbum finitum, трудно было ввести в сочетание с имперфектом, также с совсем забытым и в народе и даже среди книжников.

Остатки исчезнувших форм.

Перейдем теперь к перечислению тех остатков исчезнувших форм, которые сохранились в современном языке. Сюда относится частица условного наклонения—бы, являющаяся по своему происхождению формой 2-3 лица един. числа аориста от глагола БЫТИ.

В древнерусском языке это БЫ употреблялось и самостоятельно, как предикат, в значении индикатива и в сочетании с причастием на—л в значениях конъюнктивных, оптативных и кондициональных. Уже во время Новгородской летописи происходила дифференциация значений этого БЫ, выразившаяся в том, что индикативное БЫ (т. е. аорист от быти: бых, бы, бы, быхом и т. д.), употреблявшееся в изъявительном наклонении как самостоятельный

[1] См. Булич, „Церковно-славянск. элементы в сов. литерат. и народном русском языке“ 1899 г. стр. 365.

предикат,—всюду имело в 3 лице единств. числа форму б ы с т ь („мятежь б ы с т ь велик" 7,33) и лишь как исключение из общего правила—б ы, т. е. форму точно такую же, что и в условной форме.

В Новгородской летописи встретилось 2-3 случая предикативного употребления формы БЫ: „а вода б ы больши третьяго лета" 10,3 и т. п.

Аорист же 3 лица единств. числа, употреблявшийся в конъюнктиве, никогда не имел формы б ы с т ь (пошел б ы). Эта закономерность повторяется во всех памятниках.

Из этого следует, что уже в сознании летописца строго различались эти два значения аориста: индикативного б ы с т ь, равного самостоятельному предикату и конъюнктивного б ы, лишенного предикатности, равного формальной частице. Это различение значений форм б ы с т ь и б ы основывалось на том, что предикативность аориста б ы, входящего в сочетание с причастием на—л, не сохранялась, на памяти истории она исчезала одновременно с превращением этого б ы в формальную частицу условного наклонения.

Уже во время Новгородской летописи предикативность конъюнктивного б ы не могла равняться предикативности индикативного б ы с т ь; поэтому эти формы н е с м е ш и в а л и с ь в употреблении и имели свои, строго различаемые сферы употребления.

Почему исчезла предикативность конъюнктивного бы? Потеря предикативности этого б ы была вызвана не тем, что вообще исчезала категория аориста. Больше того, процесс потери предикативности этого БЫ начался даже раньше потери значения аориста. Этот процесс проходил также параллельно с падением значения аориста, но не в зависимости от него. В то время, когда еще сохранялось значение аориста и летописец употреблял последний вполне правильно, конъюнктивное б ы уже теряло спряжение (следовательно, предикативность) и превращалось в формальную частицу.

Этим и была обусловлена та строгая диференциация значений форм 3 лица единств. числа аориста б ы с т ь и б ы, имевших между собой ко времени Новгородской летописи только общее происхождение. Предикативность конъюнктивного бы была потеряна потому, что существование ее не оправдывалось необходимостью. По своему значению условная форма не требовала сохранения двух предикатов, и в то же время в ней необходимы с р е д с т в а д л я в ы р а ж е н и я и р р е а л ь н о с т и д е й с т в и я (т. к. само действие без оттенка ирреальности с успехом выражалось одним причастием на—л), с р е д с т в а д л я р а з л и ч е н и я э т о г о к о н ъ ю н к т и в н о г о п р и ч а с т и я о т п р и ч а с т и я и н д и к а т и в н о г о, п р и ч а с т и я—п р е д и к а т а и з ъ я в и т е л ь н о г о н а к л о н е н и я. Другими словами, различие между х о д и л и х о д и л б ы должно было быть чем-то выражено. С этой задачей формального признака условной формы с успехом стала справляться форма аориста б ы, некогда спрягавшаяся, имевшая глагольность, но со временем потерявшая эти качества, т. к. она стала выполнять другую функцию: не предикативную, а служебную. Если бы в фор-

ме конъюнктива ощущалась необходимость в двух предикатах, то превращения аориста бы в формальн. частицу не произошло бы. Затем, если бы потеря предикативности конъюнктивного бы была совызвана вообще исчезновением аориста, то тогда почему оно сохранилось в сочетании бы ходил, пусть даже в виде формальной связки, и не исчезло совсем одновременно с аористом? Ее исчезновение задержала функция признака условной формы, определившаяся еще до падения значения аориста вообще.

Итак, еще в древнейшую эпоху значение конънктивного бы обособилось от значения индикативного аориста, стало входить в сочетания с союзами и союзными словами чтобы, дабы, абы, якобы и т. д.

Во время Новгородской летописи это обособление достигло таких размеров, что конъюнктивный аорист бы уже совсем не употреблялся в значении самостоятельного предиката, терял вообще всякие указания на предикативность, превращался в неизменяемую частицу бы (чего нельзя сказать о бысть или вообще о всех других формах аориста). Случаи потери спряжения аориста условной формы довольно многочислены:

„а повествуа тако: чтобы есте к митрополиту грамоту отслали“ 96,23

„чтобы есте, дети, мое благословеніе пріяли а псковичем бы есте нелюбья отдали а свою братію молодшую пріяли бы есте“ 97,35 (хотя рядом: „были бысте за един брат 97,36).

Сравни подобные же конструкции в Псковской летописи:

„и вы бы есте ему, как и нам, верили“ 256,

„чтобы государи наши держали отчину в старине“ 272,

„чтобы наше святство отдали“ 273 и т. д.

Такие примеры многочисленны, хотя в обеих летописях еще преобладают формы со спрягаемым аористом типа „бысте отдали“, „быша отняли“, „быхом шли“.

Итак, в XIII-XIV веках конъюнктивный аорист потерял предикативность, превратился в формальную частицу и в этом виде сохранился до наших дней.

Несколько иначе проф. К. Т. Немчинов. По его мнению (см. лекции для аспирантов МГПИ, лекция № 4), аорист вспомогательного глагола, исчезая, дал основу новой синтаксической категории —категории условного наклонения. Поэтому здесь произошло интересное явление из области семантики—„переход значения прошедшего времени от значения прошлого к значению условности, т. е. категории времени к категории наклонения“. Основанием для того, чтобы нагрузить формы прошедшего времени этой семантической нагрузкой ирреальности, было следующее:

„Как все ирреальные наклонения показывают действие, не совершающееся в данный момент, так и прошедшее время показывает действие, которое не совершается в данный момент. Поэтому есть возможность представить его теперь как некую ирреальность“ (лекции 4, стр. 24).

Кроме конъюнктивного БЫ, в современном языке можно указать еще на остаток бывшей русской формы давнопрошедшего, употребляющейся обычно в фольклоре: „жил был старик со сторухою“... В литературном языке сохранилась разновидность того же давнопрошедшего, так же состоящая из двух причастий: „пошел было“, причем одно из этих причастий—было—лишено предикативности и выполняет лишь указания на инконклюзивность действия:

„Пошел было в театр, но“...,

„купили было 2 экземпляра, да показалось мало“.

Отсутствие предикативности б. причастия было обнаруживается в том, что оно не изменяется по числам и родам, застыло подобно тому, как некогда перестал спрягаться конъюнктивный аорист.

Мы можем сказать: „пошли было,“ „пошла было“, „пошел было“—всюду было остается неизменяемым. Оно придает действию, обозначаемому другим причастием, оттенок незавершенности, как и в древнерусском языке („не мыслил есмь до псковичь груба, нъ везл есмь был дары в коробях“ Новгор. I, 43,$_{18}$).

От форм имперфекта в современном языке не сохранилось никаких остатков. Соболевский совершенно правильно опроверг шлейхеровское объяснение современ. бишь, произошедшее якобы от беше (см. Лекции, стр. 163),—тогда как форма бишь является стяженной формой глагол 2 лица настоящ. времени баишь.

К числу остатков аориста Соболевский причисляет форму заржай. Как показал Е. Будде, форма эта не есть остаток аориста, а 3 л. единствен. числа [1]).

Он также справедливо выразил сомнение относительно частицы чу, которую Соболевский принимает за остаток аориста. Будде склонен к тому, чтобы считать ее повелительным наклонением (там же, 25).

Интересные сведения об остатках аориста в современном украинском языке сообщает В. Гнатюк в своей статье „Останки аориста в нашій мові“ [2]). Оказывается, что в гуцульских говорах до сих пор сохранились формы аориста. Вслед за Odonowsk'им („Studien“) он приводит следующие примеры:

„свисне сову, сова рйаучит“

„рано піп закличе Ивана“, „прийде другий піп“ и др. (стр. 6).

Затем, он приводит аорист побивахом, зарифмованный в народной сказке:

„Иван Великовоіний за дним махом сто душ побивахом“, страница 7.

Отсутствие согласования Гнатюк объясняет тем, что „мішанє форм аориста було вже дуже давно“, (7).

Наконец, в некоторых украинских фамилиях также сохранились формы аориста: Пали вода, Незовибатько и др. [3]).

---

[1]) Будде—„Русский глагол сравнительно с церковно-славянским“, Р. Ф. В. № 27 за 1892 стр. 24.

[2]) Записки Наукового товариства імени Шевченка, 1905,. Львов, т. 64.

[3]) Лекции по истории русск. языка—К. Т. Немчинов, стр. 25.

В общей же сложности остатки прежних форм прошедш. времени крайне незначительны. Возможно это объясняется тем, что на протяжении 2—3-х столетий эти формы, исчезнувшие из живой народной речи, искусственно сохранялись в книжной, в речи господствующих классов, противопоставляемой народному языку, средствам его выражения. Судя по рассмотренным нами памятникам, излюбленной формой народного выражения в XI-XIV в.в. был простой перфект, а отнюдь не аорист или имперфект. С последними ассоциировались уже понятия религиозной мистики, богословства, искусственной возвышенности языка, словом, всего того, что чуждо языку народа и поэтому так интенсивно вытесняется из него.

Заканчивая наш очерк развития форм прошедшего времени русского глагола, мы заметим, что процесс упрощения глагольной системы не проходил изолированно от всех изменений языка.

Так одновременно с ним претерпевала существенные изменения система склонения древнерусского языка, выразившаяся также в упрощении ее.

Общий с русским языком прошел, между прочим, процесс упрощения глагольной системы в словинском языке, где к XV веку прош. простые выходят из употребления, в чешском, польском, хотя в старину они также имели сложную систему форм глагола.

Итак, в русском языке, бывшее причастие на—л, употреблявшееся как verbum finitum, заменило все четыре формы прошедшего времени.

Причем, если потеря аориста, имперфекта и перфекта сложного компенсировалась развитием видовых значений причастия—предиката и категории личных местоимений, то потеря давнопрошедшего, помимо всего этого, компенсировалась также выработкой в языке аналитических средств для обозначения действия прежде или вообще давнопрошедшего, к которым относятся слова прежде, тогда, перед этим, до этого, раньше и др., присоединенные обычно к причастию на—л, употребляющемуся в значении plusquamperfekt'a

При рассмотрении самой техники замены аориста перфектом нам бросилась в глаза одна интересная деталь.

Так в рукописи „Повести о горе и злочастии" перфект от основ инфинитива на гласную всюду пишется следующим образом: сотвори (л), изгна (л), разгнева (л) ся, прелсти (л), назва (л) ся, и т. д. стр, 207-231 [1]).

Такое написание отражает какой-то переходный период замены этих форм, когда в сознании писца были еще живы представления о начертаниях аориста, но они переделываются в причастия, что технически совершается с большой легкостью—путем присоединения к окончаниям аориста 2-3 лица единств. числа суффикса причастия—л.

1) „Повесть о горе и злочастии" Изд. С. Фото-типич. снимками Павла Симона. 1907 г.

Хотя следует иметь в виду, что в рукописях XVI-XVIII вв. прием надписывать конечные согласные был весьма распространен, но наши примеры оригинальны постановкой этого—л в средине слова—разгнева (л) ся, назва (л) ся.

На вопрос, почему в итоге упрощения системы форм прошедшего времени возобладал именно бессвязочный перфект, т е. причастие на—л в значении verbum finitum'а, мы уже отвечали таким образом, что бессвязочный перфект есть форма, наиболее универсальная в смысле возможностей приведения в соответствие морфем времени и категории вида. Ни аорист, совпадавший иногда с формами императива—ходи, хвали и т. п., ни имперфект, ни другие формы прошедшего времени не были в состоянии установить это соответствие полностью, подчинить морфемы времени категории вида, т. к. сама форма этих времен придавала входящим в нее основам вневидовое значение.

